

ЭЛИСОН
УЭЙР

ЕЛИЗАВЕТА І
БРАЧНАЯ
ИГРА

ДЕВА НАЦИИ
ИЛИ ИСКУСНАЯ ИНТРИГАНКА?

The Big Book. Исторический роман

Элисон Уэйр

Брачная игра

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэйр Э.

Брачная игра / Э. Уэйр — «Азбука-Аттикус», 2014 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-11213-1

Их любовный роман вызвал скандал в Европе. Еще бы, блистательная Елизавета Тюдор, объявившая себя «королевой-девственницей», не смогла сдержать своих чувств к лорду Роберту Дадли, человеку женатому, занимающему высокий пост при дворе. В христианском мире ее и без того принимали за незаконнорожденную еретичку, силой захватившую трон, а тут еще подобный конфуз. Впрочем, невзирая на это, наследники многих королевских фамилий добиваются ее милости, надеясь вступить с королевой в брак. Но Елизавета умна: не отвечая ни «да», ни «нет», она не подпускает их близко, но и не лишает надежды. В народе это называют «брачными играми»... Вторая часть дилогии продолжает историю великой английской королевы, начатую Элисон Уэйр в романе «Леди Элизабет». Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-11213-1

© Уэйр Э., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

1558	6
1559	25
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Элисон Уэйр

Брачная игра

Эту книгу я посвящаю светлой памяти Ника Хаббарда, его преданной жене Джин, а также моим дорогим и любимым друзьям и их удивительной семье, столь тепло принявшей меня: Филиппе, Дэйву, Элис, Лиззи, Скотту и Себастьяну.

*Когда была я молода, прекрасна и желанна,
Любовницею многих я мечтала стать, пусть это
вам и странно;
Но я отвергла их, сказав: «Меня не домогайтесь!»
И поскорее все подальше убирайтесь!»*

Елизавета I

Alison Weir
THE MARRIAGE GAME
Copyright © 2014 by Alison Weir
All rights reserved

© И. Иванов, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

1558

Она заставила себя надеть черное траурное платье. Пусть сердце вовсю пело от радости, она обязана соблюдать приличия и выглядеть соответствующим образом. Ведь она скорбела по поводу кончины старшей сестры, которую с детства привыкла бояться и ненавидеть. И потому оделась в траур, выбрав черное платье с блестящим тугим корсетом и длинным шлейфом. Свои рыжие волосы она заплела в косу и уложила кольцом вокруг головы. Сейчас волосы и уши скрывала остроконечная шапочка, что было не лишним в этот довольно холодный ноябрьский день – день ее фактического вступления во власть. Весь наряд целиком придавал скромный, но величественный вид, что она прекрасно осознавала, когда, едва скрывая улыбку, шла мимо придворных, успевших наводнить большой зал. Надо же, с какой прытью они поспешили в Хэтфилдский дворец. Зал, спешно драпированный дамастом, будет ее временным залом собраний. Столь же спешно соорудили возвышение, на которое поставили роскошное кресло. Над креслом натянули балдахин из золотистой ткани с королевским гербом Англии в центре. Вдоль стены, обшитой дубовыми полированными панелями, уже дожидались лорды. Увидев ее, они низко поклонились. Быстрым, размашистым шагом она прошла к возвышению и заняла свое место. Свое законное место, о чем постоянно себе твердила. Ее трон.

«Вот оно – средоточие власти, – думала она, улыбаясь застывшим в ожидании советникам и министрам. – Теперь я знаю, каково быть облеченной священной заботой о благе моего народа».

Судьбоносная новость застала Елизавету, когда она гуляла по парку. Итак, милостью Божьей, отныне она – королева Англии. Елизавета понеслась сквозь ключья ноябрьского тумана в Хэтфилдский дворец, дабы возблагодарить Бога за самое щедрое из Его благодеяний. Она поклялась, что не даст Господу оснований сожалеть о явленной милости. Она будет исполнять свой долг и даже сверх того. Она положит конец столкновениям и кровопролитию, будь то на религиозной почве или из-за прав наследования. Она станет матерью для всех своих подданных, которых будет любить и лелеять, как собственных детей, и наставлять на путь истинный. Она завоюет и сохранит их любовь, а они послужат ей щитом против врагов. Увы, враги у нее тоже будут.

Елизавета вглядывалась в лица мужчин, которым предстояло служить ей, женщине до мозга костей, и ее глаза светились и буквально танцевали, а узкое, заостренное лицо торжествовало. Она осуществила свою мечту! Не сломалась, не погибла! И теперь будет править. Ненадолго вдруг захотелось, чтобы отец, великий Генрих Восьмой, дожил до дня ее триумфа. Пока он был жив, Елизавета жаждала его похвал, а ему и в голову не приходило, что дочери тоже способны править Англией. Все годы своего долгого правления король мечтал о сыне-наследнике, потому и шесть раз вступал в брак. Испытывал бы он сейчас гордость, видя Елизавету на троне? Она очень на это надеялась.

Думала Елизавета и о своей матери, поруганной Анне Болейн. Сколько усилий потратило окружение отца, чтобы объявить Елизавету незаконнорожденной. Но она, пройдя бесчисленные страдания и лишения, все-таки унаследовала трон. В этом Елизавета видела промысел Божий. Наконец-то Анна отомщена. Небеса получили отличный повод для ликования. Быть может, Анна знала, что не напрасно проливает кровь на королевской плахе.

Елизавета вздрагивала, но отнюдь не от холода в этом просторном зале. Ее переполняла благодарность Богу, в целостности и сохранности приведшему ее на трон. Ей – двадцать пять. Не считая первых двух лет, вся остальная жизнь была нескончаемым испытанием. Елизавета не сломалась. Она упорно оттачивала свою стальную волю. Пережила попытки объявить ее незаконнорожденной, многочисленные скандалы и не менее многочисленные споры о ее дальнейшей судьбе; пережила обвинения в государственной измене и ереси. С детства придерживаясь

истинной, протестантской веры, уцелела во всех бурях, устраиваемых протестантам ее набожной сестрой-католичкой. Корабль жизни Елизаветы выдержал все ветры и волны и благополучно достиг безопасной гавани. Кто бы мог подумать, что она, младшая дочь короля Генриха Восьмого, однажды наденет корону?

Место по правую руку от молодой королевы занял сэр Уильям Сесил – давний верный друг, отличавшийся незаурядным умом. В лихие годы испытаний он ни разу не отступился. Сесил подал Елизавете текст воззвания о ее восшествии на престол. Если она одобрит написанное, глашатаи будут читать воззвание по большим и малым городам Англии. Его отправят всем королевским дворам христианского мира.

– Спасибо, Уильям, – и Елизавета незаметно подмигнула.

Она привыкла видеть Сесила серьезным. Но сейчас на его вытянутом лице появилась улыбка. Пощипывая бороду, Сесил поклонился. Ему было тридцать восемь лет. Убежденный протестант, опытный юрист, он без труда занял пост главного советника. Елизавета не сомневалась, что по-прежнему сможет доверять его мудрости, верности и уму. Сесил любил простые радости жизни, отличался усердием в делах, был благоразумен, сдержан и осмотрителен. Но главным качеством оставалась надежность, которую он доказал в мрачные дни правления сестры.

– Ваше величество, необходимо решить вопрос о всеобщем трауре по скончавшейся королеве.

– Трех дней вполне достаточно.

Елизавета сомневалась, что кто-то готов долго оплакивать Марию. В народе хорошо помнили дикие расправы этой истовой католички с еретиками. Мария повелела сжечь триста протестантов. Этому необходимо положить конец. Елизавета уже распорядилась отменить смертные приговоры всем несчастным, что еще томились в тюрьмах в ожидании казни. Она не станет карать за убеждения и веру. Главное – чтобы ее подданные соблюдали законы и не подрывали устои государства. А лезть им в душу не имеет права даже королева.

– Дальше.

– Ваше величество, мы должны как можно скорее переехать в Лондон. Хэтфилдский дворец и прилегающие строения переполнены, а число желающих быть подле вас продолжает увеличиваться.

Когда выяснилось, что дни Марии сочтены, придворные покинули умирающую королеву и поспешили сюда, дабы снискать благосклонность ее преемницы. Каждый день они вереницей тянулись из Лондона в Хэтфилд. Елизавета невольно вздрогнула. Не приведи господь оказаться в положении Марии: на пороге смерти узнать, что твой двор стремительно пустеет.

Сесил педантично излагал вопрос за вопросом:

– Невзирая на приготовления к коронации вашего величества, есть аспекты, которые мы должны обсудить безотлагательно. В свете того, что грядет переезд двора и всех ваших служб, я бы настоятельно посоветовал назначить королевского шталмейстера.

Глаза Елизаветы неторопливо скользили по лицам собравшихся за столом. Они были полны ожидания. Подобно ей, одетые скромно, но богато, все отличались знатным происхождением, имели титулы и звания, не говоря уже о честолюбивых устремлениях и изрядной доле упрямства. Как женщине, Елизавете понадобится особое умение управлять ими. Однако это же давало и определенные преимущества. Мысль вызвала у Елизаветы внутреннюю улыбку. Быть может, они ждут, что молодая королева начнет щедро изливать свою благосклонность на всех, кого недолюбливала или притесняла покойная сестра? Нет, дорогие. На золотой дождь не надейтесь. Елизавета будет весьма сдержанна и осмотрительна по части привилегий и наград, а потому каждая из них станет цениться выше. Каждая заставит ее окружение трудиться не покладая рук и жить надеждами. Она будет поступать так, как некогда поступала ее мать. Анна

ухитрялась проводить свою линию, даже находясь в тени вызывавшего всеобщий трепет могущественного Генриха Восьмого!

Обласканных прежней властью среди собравшихся не было. Некоторым приходилось исполнять приказы покойной королевы Марии, чтобы уцелеть и не погубить свою семью. Елизавета это знала. Так, графы Винчестерский и Сассекский в мрачные дни 1554 года препроводили ее в Тауэр, хотя их сердца и души яростно противились жестокому приказу. Молодая королева не держала на них зла, поскольку оба проявляли к ней максимум милосердия, возможного в их положении. Несгибаемые протестанты Трокмортон и Ноллис предпочли эмиграцию службе у католической королевы. Теперь им не понадобится скрывать свои верования. А вот лорды Шрусбери, Арандел, Пемброк и Дерби... Люди умные и опытные, но непростительно гибкие, не раз менявшие собственные убеждения и взгляды. Вот еще один умный человек, сведущий в юриспруденции, – Николас Бэкон. Рядом с ним Уильям Парр – брат покойной королевы Кэтрин. При всей любви к Кэтрине Елизавета частенько ей пакостила... И наконец, лорд Роберт Дадли.

Когда ликующая Елизавета вбежала во двор своей хэтфилдской резиденции, ее там уже ждал Роберт Дадли. Безупречно одетый и, как всегда, неотразимо обаятельный и экстравагантный, он восседал на белом жеребце. Эта сцена навсегда останется в памяти Елизаветы. Роберт и ее вхождение во власть сплелись воедино. Они были друзьями детства. Обоих одновременно заточили в Тауэр. Роберт – сын и внук государственных изменников – сам находился под подозрением. Его отец, герцог Нортумберлендский, пытался вместо Марии возвести на престол Джейн Грей, за что потом был Марией обезглавлен. Семья Дадли оказалась в опале. Роберт вышел из ворот Тауэра, потеряв все, и потом зубами и когтями возвращал благосклонность Марии. Во время войны с Францией он отличился на полях сражений и наглядно доказал свою верность королеве.

Некоторые считали Роберта Дадли хвастуном, иные при упоминании его имени морщились, однако Елизавета всегда им восхищалась. Она знала: под внешней бравадой скрывается доброта, верность и незаурядный ум. Того, «внутреннего» Роберта знали немногие. Он был горячо предан идеям протестантизма. Его увлекали науки: математика, геометрия и астрономия. Он собирал карты и интересовался мореплаванием. Он читал античных классиков и прекрасно говорил по-французски и по-итальянски. Роберт одинаково галантно держался на ристалище и на поле сражения. Увы, большинство видело лишь внешнюю сторону и говорило о его необыкновенной лошади и блистательной экипировке. Роберт прекрасно пел и танцевал, бесподобно играл в теннис и до тонкостей знал искусство стрельбы из лука. Однако Елизавета превыше всего ценила его дружбу, не ослабевшую и в мрачные дни правления Марии. Этим Роберт тоже навлек на себя гнев католической королевы. Елизавета понимала, что просто обязана отплатить добром за его доброту.

Их отношения могли бы стать еще ближе, не будь Роберт женат. Сесил уверял, что это чисто плотский брак, где Робертом руководил не здравый смысл, а обыкновенная мужская похоть. Сесил говорил об этом с легким оттенком пренебрежения. Елизавета сомневалась в долговечности брачных уз Роберта Дадли и Эми Робсарт. Эми была хорошенькой, привлекательной женщиной, однако у молодой королевы имелись все основания полагать, что искусством привязать мужчину к себе миссис Робсарт не владеет.

Елизавета не любила вспоминать время своего заключения в Тауэре. Но сейчас вдруг вспомнилось несколько кратких тайных встреч с Робертом, когда по нескольким его словам стало ясно, что ему хочется физической близости с ней. Официально всякое общение между узниками было запрещено, но Елизавете позволялось гулять по двору, куда выходило окно его комнаты. Они негромко переговаривались, и общее несчастье способствовало их сближению. После двух-трех таких бесед будущая королева уже почти не сомневалась, что Роберт в нее влюблен. Ее же тянуло к нему, как магнитом. Затем об этих встречах стало известно страж-

никам, и все прекратилось. В дальнейшем, когда Роберта выпустили из Тауэра, а Елизавету – из-под домашнего ареста в Вудстоке, они виделись редко. Роберт воевал, она же старалась держаться от двора подальше, чтобы лишний раз не навлекать на себя гнев королевы Марии. Что ж, таковы были обстоятельства...

Взгляд Елизаветы остановился на смуглом лице Роберта. Его даже прозвали Цыганом, хотя никто не осмеливался произнести подобное прозвище в его присутствии. Елизавете хотелось безотрывно смотреть на Роберта. Она любовалась его мускулистой фигурой, худощавым лицом, темно-рыжими волосами и аккуратной бородкой. Все это напоминало... Нет, сегодня ни в коем случае нельзя думать о нем. Незачем будить былые страхи и ужас.

– Моим шталмейстером будет лорд Роберт Дадли, – сохраняя самообладание, объявила Елизавета. – Вряд ли сыщется кто, разбирающийся в лошадях лучше, чем он. Не сомневаюсь, что лорд Роберт преуспеет и в других качествах: устройстве шествия перед коронацией и развлечений для моего двора.

В зале послышался ропот. Положение шталмейстера предполагало частое общение с королевой, а значит он мог влиять на нее, как никто другой. Роберт широко улыбался, не обращая внимания на замешательство одних и нескрываемую зависть других. Елизавета тоже игнорировала недовольство придворных. Теперь она – королева; и рядом должен находиться человек, разделяющий ее воззрения и устремления.

Позже, когда все разошлись и Елизавета подписывала в своих покоях государственные бумаги – их гора ничуть не уменьшалась, – вошел Сесил:

– Ваше величество, простите мой дерзкий вопрос, но стоило ли назначать лорда Роберта? Люди еще не забыли честолюбивых замыслов семейства Дадли и того, к чему все это привело. Вспомните, сколько голов полетело после того, как герцог Нортумберлендский лишился своей.

– Роберт мне предан и обладает всеми необходимыми качествами, чтобы занять пост королевского шталмейстера, – возразила Елизавета. – А те, кто его упрекают, – обыкновенные завистники.

– Ваше величество, я молю Бога, чтобы Он позволил мне или иному мудрому мужчине направлять вас. При всем уважении вы женщина и потому нуждаетесь в мужском водительстве.

Елизавета подавила улыбку. Она хорошо знала взгляды Сесила на несостоятельность женщин.

– Уильям, а почему ты так считаешь? – сладким голосом спросила она.

Худощавое лицо Сесила вспыхнуло.

– Бог дал мужчинам силу и мудрость, дабы управлять человечеством. Ваше величество имело все права взойти на трон, который прежде занимали ваши предшественники. Но простите меня за прямоту речи... слабость вашей женской природы обрекает вас на принятие советов и подсказок ваших смиренных слуг. Они, ваши смиренные слуги, способны советовать и подсказывать вам, поскольку обладают опытом, а также по причине их мужского разума, превосходящего женский. Книжных знаний, в которых ваше величество изрядно преуспели, недостаточно. Мы живем в опасном мире. Достаточно вспомнить все жизненные бури, через которые вы прошли. Но тогда вы были принцессой, а теперь вы королева.

Елизавета нахмурилась, но внутренне согласилась с последними фразами Сесила. Прежний мир умирал. Само христианство разделилось. Несмотря на могущество католической Европы, протестантские государства отважились выйти из подчинения Риму. И теперь, при Елизавете, к ним присоединится и Англия. Еще не успев короноваться, она нажила себе достаточно врагов. Многие будут улыбаться ей и рядиться в тогу друзей, но преследовать собственные цели. Елизавета сознавала, что большинство европейских дворов считают новую королеву дочерью шлюхи и еретичкой. По их мнению, Елизавета не вправе занимать английский трон. А когда она учредит новую Англиканскую церковь (Елизавета была полна решимости это сделать), ее островное королевство окажется еще в большей опасности.

– Ни мои женские слабости, ни женский разум, уступающий мужскому, не умаляют моей значимости, – с упреком произнесла Елизавета, но быстро сменила тон: – Уильям, ты мой давний друг, и я понимаю твои благие намерения. Я осознаю, что путь моего правления не будет усыпан розами, и поэтому намерена научиться управлять не только Англией, но и собой. Естественно, опираясь на твою мудрость. Раз уж мы заговорили о предшественниках... – Она повернулась к портрету Генриха Восьмого, от которого веяло пугающим величием. – Часто ли тебе приходилось говорить с моим отцом?

– Гм... нет, ваше величество. – Сесил невольно улыбнулся, понимая, что сейчас Елизавета его переиграла. – Но он и не был женщиной!

Елизавета запрокинула голову и рассмеялась. В этот момент она решила убедить всех и каждого, что слеплена из иной глины, нежели остальные женщины.

Спустя три дня молодая королева вновь сидела на троне, под балдахином, привезенным из дворца Святого Иакова, – крысы, бежавшие с тонущего корабля Марии, захватили с собой и кое-какое полезное имущество. Лорды официально преклонили колени, признав ее своей королевой. Елизавете оставалось лишь назвать имена главных советников и ближайших помощников. Она подготовила речь. Несмотря на врожденный дар красноречия и умение излагать свои мысли письменно, Елизавета потратила немало сил на это первое королевское выступление. И сейчас, читая его перед собравшимися, радовалась произведенному эффекту: труды явно не пропали даром.

Улыбаясь, она подозвала Сесила:

– Уильям, мой верный слуга, я назначаю тебя государственным секретарем. Это высшая должность, существующая в нашем государстве. Поручаю тебе возглавить мой Тайный совет и взять на себя заботу обо мне и моем королевстве. Я знаю тебя много лет, так что успела составить мнение о тебе. Ты неподкупен и не падок на подношения. Ты будешь печься об интересах государства и... – здесь губы Елизаветы дрогнули, – будешь говорить мне не то, что я желала бы от тебя услышать, а то, что считаешь правдой, полезной мне и государству.

Сесил поклонился. На его обычно бесстрастном лице отпечатались признаки волнения.

Один за другим придворные выходили и получали должности. Кругленький, толстогубый хитрец Бэкон стал лордом – хранителем Большой печати. Трокмортон, с его нависшими бровями (что не мешало ему пользоваться всеобщим уважением), Елизавета сделала канцлером-казначеем. Эти и ряд других придворных получали доступ в Тайный совет. Парр смиренно благодарил молодую королеву за восстановленный титул пэра, которого он лишился при Марии. Ноллис – новый вице-канцлер двора ее величества – был благодарен не меньше. Его женой была мягкая, скромная Кэтрин Кэри, которую Елизавета любила, помимо прочего, и как свою двоюродную сестру. На самом деле Кэтрин являлась ее сводной сестрой, но это держалось в секрете. В относительном, конечно. Внешне леди Ноллис походила на покойного короля. Многие знали, что она дитя любви Генриха Восьмого и Мэри Болейн, тетки Елизаветы. Во время правления Марии Ноллисам, известным своими твердыми протестантскими убеждениями, пришлось покинуть Англию. Сейчас они сияли, радуясь возвращению на родину и благосклонности новой королевы.

Роберта Дадли в Тайный совет не позвали. Когда Елизавета перечислила всех новоназначенных, он выглядел поникшим. Да, Роберт ей предан; да, умен и убежденный протестант, однако Елизавета прислушалась к мнению Сесила. И мысленно решила: пусть Роберт себя проявит и тогда она сразу же введет его в Тайный совет.

Раздав все должности и привилегии, королева вновь обратилась к собравшимся:

– Друзья мои, меня не перестает изумлять ноша, которая столь неожиданно легла на мои плечи. Но я Божье создание и вынуждена подчиниться Творцу. Если Он избрал меня, мне остается лишь смиренно покориться Его воле. Я молюсь о том, чтобы с вашей помощью стать достойной королевой и не посрамить Творца. Однако быть королевой – не значит править еди-

нолично. Наоборот, все свои решения и действия я хочу сочетать с мудрыми советами и подсказками. От вас мне нужно только одно: преданность ваших сердец, и тогда вам не придется сомневаться в моей доброй воле. Мне не нужны подданные, цепенеющие от звука моего имени. Мне нужны любящие подданные.

Под гром рукоплесканий Елизавета покинула зал и в сопровождении фрейлин направилась в свои покои. Эти комнаты были ей знакомы с младенческих лет. Теперь они превратились в покои ее величества. В спальне (отныне опочивальне ее величества) Елизавете встретила сияющая Кэт Эшли, ее бывшая гувернантка. Кэт распирало от гордости: она стала камер-фрау новой королевы и распорядительницей королевского гардероба. Кэт честно заслужила это звание. Когда-то она преподавала Елизавете первые уроки жизни. Кэт учила ее молиться перед сном. Вместе с Елизаветой она прошла все тяготы и лишения последних лет. Кэт добровольно последовала за ней в Тауэр. По сути, она заменила Елизавете мать, и молодая королева радовалась, что может отблагодарить свою добрую няньку. Было немного непривычно видеть скромную Кэт в богатых шелковых одеждах, но раз это не сон, значит прошлое с его ужасами и страданиями действительно осталось позади.

– Дамы, не будем терять время. Ее королевское величество ждет нашей помощи, – громко произнесла Кэт.

К ней сразу же устремились старшие и младшие фрейлины, горничные и служанки, чтобы переодеть королеву для вечернего обеда. Обед, естественно, предполагался скромным, поскольку двор пока что пребывал в трауре. Елизавете предстояло снова надеть черное платье, но на сей раз бархатное, с высоким кружевным жабо. Вполне приличествующий наряд. Кейт Ноллис принялась развязывать ленточки, скреплявшие рукава с корсетом. Когда она приехала в Хэтфилд, Елизавета обняла ее и расплакалась от радости. Отношения с Кейт были полной противоположностью отношений со сводной сестрой Марией. Мария любила Елизавету, когда та была совсем маленькой – просто потому, что обожала детей и всегда молилась, чтобы Бог помог ей стать матерью. Увы, все эти молитвы остались без ответа. А чем старше становилась Елизавета, тем ревнивее и раздражительнее становилась Мария... С Кейт будет очень хорошо. Тем более что в число фрейлин вошла и младшая дочь Кейт Летиция. Елизавете она доводилась двоюродной племянницей. Еще одно знакомое и тоже приятное лицо – Мэри Сидни, очаровательная сестра Роберта Дадли. Об обеих Елизавета была самого лестного мнения.

Единственной, кого Елизавета с радостью оставила бы за дверями своих внутренних покоев, была бледная, вечно хмурая Кэтрин Грей, чью сестру Джейн Мария отправила на плаху, обвинив в попытке узурпировать трон.

При воспоминании о Джейн в душе Елизаветы всегда пробуждались не самые приятные мысли. Их обеих тянуло к новой религии – протестантизму, – однако Джейн стала фанатичной протестанткой, за что и поплатилась жизнью. У нее был шанс уцелеть, обратившись в католичество. Но на все предложения Джейн упрямо отвечала «нет». Ей было всего семнадцать лет, когда палач отделил ее голову от тела. Елизавета всегда вспоминала об этом с содроганием и боялась (не без оснований), что следующей жертвой может оказаться она сама.

Елизавета сомневалась, сумела бы так же смело, как Джейн, вести себя на эшафоте, и от этой мысли неизменно портилось настроение. Кэтрин – младшая сестра Джейн – оказалась благоразумнее. Она без возражений вернулась к старой вере, и Мария обласкала Кэтрин, сделав ее своей камер-фрау. Теперь казалось логичным, что из соображений безопасности Кэтрин должна снова перейти в веру, в которой ее воспитали.

«Я жду от нее нового благоразумного шага!» – с раздражением подумала Елизавета.

Однако ее злило не столько метание, сколько то, что Кэтрин не собиралась выходить из католичества. Впрочем, было и еще одно обстоятельство, о котором Елизавета старалась не думать. Если она не родит наследника, следующей претенденткой на трон будет Кэтрин. Нужно заставить эту упрямичу открыто заявить о переходе в протестантизм.

Елизавета точно знала, почему эта девка упрямится. Она видела Кэтрин беседующей тет-а-тет с испанским послом. Наверняка пыталась через посла уговорить короля Филиппа поддержать ее как католическую претендентку. А может, это был заговор с целью пощекотать Елизавете нервы и объявить Кэтрин своей преемницей? Что бы там ни затевалось, Елизавета почуяла рядом с собой крысу. Кто позволил этой тихоне лезть в опасные дела, не имеющие к ней никакого отношения? Более того, новая королева откровенно испугалась. Законность претензий Кэтрин ни у кого не вызвала сомнений. Хорошо, что парламент вывел из игры еще одну претендентку на английский престол – Марию Стюарт. Основание было более чем серьезным: она не родилась на английской земле. А вот с Кэтрин надо держать ухо востро. Именно поэтому Елизавета понизила ее в звании, сделав всего лишь фрейлиной королевской приемной. Возможно, Кэтрин сообразит, что времена изменились, и оставит свои претензии на власть.

Пока женщины развязывали и расстегивали ее платье, Елизавета дружески обняла Кейт Ноллис:

– Дорогая сестрица, больше я тебя никуда не отпущу. Теперь ты должна как можно чаще находиться при мне. Ведь ты моя любимая фрейлина.

– Почту за честь, госпожа, – ответила Кейт, правда без особой радости.

– Бесс, а что будет с ее детьми? – влезла в разговор Бланш Пэрри, старая нянька Елизаветы. Та считала, что заработала право задавать вопросы и говорить без обиняков. – Кто будет присматривать за ними, пока их мать вытанцовывает при твоём дворе? А что скажет ее муж? Думаешь, ему понравится, что ты разлучаешь его с женой?

Кейт покраснела.

– Успокойся, Бланш! – прикрикнула на нее Елизавета. – Кейт не возражает. Она может свободно видаться с детьми и иногда привозить их ко двору. Что касается тебя, моя старая ворчунья, я слишком тебя люблю, чтобы за дерзкие речи ссылать в Тауэр. Ты у меня будешь заведовать моими книгами. Содержать их в порядке. Ты же обожаешь читать.

Бланш замолчала. На ее старческом лице появилась довольная улыбка. Кейт тоже улыбнулась, но через силу: она обожала мужа и малышей и не представляла себе долгой разлуки с ними. Но и Елизавету любила слишком сильно, чтобы решиться ее покинуть. Вместе они пережили немало тяжелых минут, и у королевы не было родственницы ближе, чем Кейт. Новый титул резко изменил жизнь Елизаветы, отделив ее от простых смертных и сделав недостижимой. Разве могла Кейт ей отказать?

На следующее утро Елизавета поднялась рано. После нескольких дней встреч с министрами и советниками тянуло поскорее выбраться на свежий воздух. Ревностно исполняя свои новые обязанности, Роберт Дадли подыскал и оседлал для нее прекрасную лошадь. Вторая была оседлана для него, ибо должность шталмейстера обязывала Роберта сопровождать королеву во всех ее прогулках верхом и путешествиях. Он снял траурные одежды и облачился в изумительный темно-зеленый бархатный камзол, который небрежно накинул на плечи. Елизавета снова залюбовалась его красивым лицом с выступающими скулами и прямым носом. А как чудесно выглядели обтянутые белыми панталонами стройные ноги! Вне всякого сомнения, Роберт был самым обаятельным из ее придворных.

Завидев Елизавету, он снял шотландскую шапочку с перьями и поклонился. Королева лишь любезно улыбнулась, хотя у самой бешено колотилось сердце. Рослая для женщины, рядом с Робертом она чувствовала себя коротышкой. Ей это нравилось. Что не нравилось, так это новая официальность в их отношениях. Ведь они дружили с детства, и вот теперь она стала королевой, а Роберт вынужден держать дистанцию и оказывать ей предписанные этикетом почести. Елизавета очень скучала по прежней простоте их отношений.

– Ваше величество, позвольте мне вас посадить.

И Роберт сложил ладони чашей, делая из них ступеньку для Елизаветы.

– Наедине со мной – никаких «ваше величество». Разве мы перестали быть давними друзьями?

– Я надеялся, что твое величество об этом помнит, – улыбнулся Роберт.

– Неужели такое можно забыть? В детстве ты звал меня Бесс. Робин, оставь придворный этикет. Мы слишком давно знаем друг друга.

– Как-то странно называть ее королевское величество просто Бесс. Детство – это детство. Мы уже не дети.

– А мне странно, что отношения между друзьями могут вдруг охладеть. Ведь, надеюсь, мы по-прежнему друзья? – Елизавета любовалась его темными волосами, которыми играл ветер.

– Я тоже надеюсь. И даже больше, – с прямолинейностью медведя на фамильном гербе Дадли ответил Роберт.

– Значит, ты надеешься?

Сердце Елизаветы пело от радости.

Глаза Роберта вспыхнули.

– Будь мне позволено, мои надежды расцветут.

– Мне нравятся смелые мужчины! – глядя на него сверху вниз, заявила Елизавета.

Роберт взлетел в седло, и они галопом понеслись по парку. Воздух был холодным, но из-за деревьев поднималось солнце, обещаая погожий зимний день. Елизавета обожала свист ветра, бьющего в лицо. Замечательно скакать во весь опор рядом с Робертом, таким же отличным, как и она сама, наездником. На мили вокруг – никого. Удивительная свобода, когда можно сбросить все королевские регалии и почувствовать себя просто Бесс. Когда рядом тот, кого ты знаешь с самого детства.

Въехав в лесок, они пустили лошадей рысью. Над головой сплетались черные голые ветви.

– Как тебе жизнь в Норфолке? – спросила Елизавета.

– Там очень тихо... твое величество, – улыбнулся Роберт. – Для меня слишком тихо. Я предпочитаю двор с его суетой.

– Неужели тебя манит это сборище блистательных ничтожеств, исходящих злобой и раздражением? – поддразнила Елизавета.

– Появление твоего величества преобразит двор. При такой королеве двор просто не может быть сборищем блистательных ничтожеств, – с придворной галантностью ответил Роберт.

– Напоминаю: Елизавета сидит на троне. А меня зовут Бесс.

– Бесс, – с нежностью повторил Роберт.

– А твоя добродетельная супруга? Ей нравится сельская глушь?

При упоминании об Эми Дадли обожгло ревностью. Как странно.

– Вполне, – лаконично ответил Роберт.

Чувствовалось, ему не хочется говорить о жене. Елизавете тоже. Она решила, что больше не заикнется об Эми. Она ничего не желает знать о его жене. Надо втолковать это Роберту.

– Надеюсь, у королевского шталмейстера нет претензий к отведенным ему покоем? Тебе удобно? – спросила Елизавета, меняя тему разговора.

– Превосходно, госпожа... Бесс... Спасибо. Жить вблизи тебя – большая честь.

Сверкающие глаза Роберта свидетельствовали о том, что это не просто учтивая лесть.

– Я бы даже согласился спать в чулане.

– До чего же ты прямолинеен, Робин! – засмеялась Елизавета.

– И готов стать еще прямолинейнее.

– Ну и ну!

Елизавета наслаждалась этой игрой. Больше всего она любила флиртовать, но до сих пор судьба почти не предоставляла ей такой возможности.

– Хватит дурачиться, Робин! Я собиралась обсудить с тобой коронацию. Еще столько всего надо продумать.

– Тогда я в полном распоряжении твоего величества.

В его глазах была прежняя теплота. Елизавета знала: сказанное относится не только к коронации, и умело направила их разговор в нужное русло. Ничего не поделаешь, прежние непринужденные отношения между ними сменились другими. Они уже не дети и не узники Тауэра. Она – королева, а он – ее верный слуга. Оба вживались в новые роли. Менялось и ощущение главенства в их отношениях. Если тогда, в опале, она была желанна для Роберта, насколько же возросло его желание сейчас. Власть, словно магнит, притягивала многих, а Роберт всегда жаждал власти. И в то же время Елизавета не могла отрицать: их влечение друг к другу, давно подавленное и, казалось бы, исчезнувшее, вспыхнуло с новой силой. Ей надо проявлять осторожность, ибо ее сердце рискует попасть в плен его обаяния и честолюбивых устремлений. А королеве нельзя подчиняться голосу сердца.

Когда они вернулись во дворец, Роберт спрыгнул на землю и подвел лошадь Елизаветы к подставке. Королева приготовилась вылезти из седла, но Роберт обнял ее за талию и повернул лицом к себе. Даже через несколько слоев одежды Елизавета чувствовала его сильные руки, и это привело в смятение. Время словно остановилось. Они стояли, не в силах отвести глаз друг от друга... пока Роберт не опустил ее на снег. Елизавета не упрекнула его ни единым словом.

Смуглый, обаятельный, с тонкими чертами лица, на котором играла ослепительная улыбка... таким предстал перед новой королевой испанский посол граф де Фериа. Король Филипп отправил его в Лондон, когда королева Мария слегла и всем стало понятно, что она умирает. Мария была женой Филиппа, но когда выяснилось, что она бесплодна, король покинул ее и более не возвращался в богом забытую Англию. Это в немалой степени сказалось на здоровье Марии. К тому же Филипп проявлял далеко не братский интерес к Елизавете, что лишь разжигало укоренившуюся ревность Марии к младшей сестре. Но Филипп был благочестивым католиком, а Елизавета – просвещенной протестанткой. Их интересы лежали в разных плоскостях, поэтому встреча представлялась Елизавете совершенно невозможной.

Синие глаза де Фериа были полны искренней теплоты. Он поздравил Елизавету с восшествием на престол.

– Не сомневаюсь, что ваше величество отдает должное королю Филиппу. В том, что вы стали королевой, есть и его заслуга, – воркующим тоном произнес посол.

– В первую очередь это заслуга моего народа, – довольно резко ответила Елизавета. – Но я искренне признательна моему дорогому брату за его добрые слова.

Ей незачем злить Филиппа. Она нуждалась в дружественных отношениях с ним. Угроз для Англии и так хватало. Франция, Шотландия, Рим. Да в той же Испании у нее достаточно недругов. По сути, врагами можно было считать весь католический мир. Французский король уже провозгласил законной королевой Англии свою невестку Марию Стюарт, правящую Шотландией. Мария была замужем за дофином, как называли наследников французского престола. При поддержке Франции она представляла для Англии едва ли не самую серьезную угрозу. Но Елизавета не сомневалась, что сумеет провести государственный корабль по бурным водам европейской дипломатии. Нужно собрать на борту побольше своих друзей и сторонников и кормить их сладкими обещаниями. Возможно, стоит уже сейчас начать дипломатические игры с Испанией – заклятым врагом Франции.

– Ваше величество, – продолжал де Фериа, – я испросил у вас аудиенцию, чтобы обсудить один вопрос деликатного свойства. А именно брак вашего величества.

Елизавета нахмурилась. Такого поворота событий она никак не ждала. Она не хотела думать о браке. Ей сразу вспомнилась пара темных похотливых глаз, которые давно погасила смерть...

– Я вас слушаю.

Де Фериа откашлялся. Его вдруг охватило непонятное волнение, чему он немало удивился. Он не впервые встречался с Елизаветой.

– Вряд ли ваше величество сможет править единолично, без направляющей руки мужа и его советов. Вы наверняка задумывались о ваших будущих наследниках, которым нужен отец. Быть может, вам будет угодно подумать о выборе достойного кандидата. Мой господин, король Филипп, был бы рад помочь вам советом.

«Ну уж нет, – подумала Елизавета. – Не нужны мне советы Филиппа, и становиться его марионеткой я не собираюсь».

– Мое восхождение на престол оказалось настолько внезапным, что пока мне было просто некогда подумать о браке, – сказала она послу, стараясь говорить как можно учтивее. – Уж лучше я останусь незамужней. У меня слишком много неотложных государственных дел, чтобы думать о свадьбе.

У де Фериа вытянулось лицо, но Елизавета, намеренно не замечая его изумления, быстро переменяла тему, заговорив об их общем враге – крепнущей Франции.

Вернувшись в свои покои, наедине с Кэт Елизавета дала выход скопившейся злости.

– Почему в мире утвердилось дурацкое представление, будто женщина не может жить одна, без мужа?

Кэт лучше, чем кто-либо, знала причину стойкого нежелания Елизаветы выходить замуж.

– Никто не может силой заставить тебя пойти под венец, – сказала она, стремясь успокоить бывшую воспитанницу.

Теперь не может, а в дни правления Марии ее пытались насильно выдать замуж, подсовывая католических принцев. Ей тогда казалось, что ее сжигают заживо.

– Я никогда не выйду замуж!

Эту фразу Елизавета неустанно повторяла с тех пор, как ей исполнилось восемь. Кэт с ней не спорила, а вот Сесил... На заседании Тайного совета он поднял вопрос о престолонаследии:

– Ваше величество должны думать о собственной безопасности и безопасности государства.

Елизавета восприняла это как скрытый намек на свое фrivольное поведение.

– Должны? – переспросила она. – Уильям, ты говоришь мне «должны»?

– Ваше величество, брак – единственная гарантия вашей безопасности. Ваше желание оставаться королевой-девственницей... неестественно.

– А я вообще неестественна. И давно знаю об этом! – запальчиво бросила ему Елизавета.

– Муж мог бы разделить с вами все тяготы и заботы по управлению государством, – не сдавался Сесил. – Он бы стал отцом наследников, продолжающих линию вашего величества.

– И быстро загнал бы меня в детскую, постоянно умножая число этих наследников! – язвительно парировала Елизавета. – Нет, Уильям. Я не потерплю, чтобы мужчина управлял мною и узурпировал мою власть.

Сесил вздохнул:

– Не исключено, что король Филипп будет просить вашей руки. Де Фериа намекал на это.

– Де Фериа и мне намекал. Что ж, пусть Филипп тешится надеждами.

Елизавета вспомнила расчетливые, похотливые глаза испанского короля, его холодность, пухлые презрительные губы и внутренне содрогнулась. Филипп наверняка мечтал уложить ее в постель. Но она даже в страшном сне не представляла себя его женой. К тому же существовало непреодолимое препятствие для их брака – разница религий.

– Нам незачем ссориться с Испанией. А потому, Уильям, мы будем кормить испанского короля обещаниями. Но крепко заруби себе на носу: я не намерена попадать под чью-либо власть. Я управляю, а не мной управляют.

– Мы выработаем линию поведения, приемлемую для вашего величества, – дипломатично ответил Сесил.

Елизавета больше не произнесла ни слова. Пусть Сесил убедится, что ее намерения не сиюминутный каприз.

Еще одним посетителем, испросившим аудиенцию у Елизаветы, стал новый архиепископ Кентерберийский, благочестивый Мэтью Паркер. В свое время он был исповедником ее матери. Возникшее подозрение, что архиепископа послал Сесил, не подтвердилось.

– Ваше величество, меня к вам привела священническая обязанность, – начал архиепископ. – Ваша покойная матушка, наша праведная королева Анна, за три дня до своего ареста позвала меня и сказала: «Если со мной что-то случится, позаботься о благополучии моей дочери».

– Выходит, она знала, – прошептала Елизавета. – Предчувствовала свой конец.

Елизавета прекрасно представляла себе чувства матери. Она сама была узницей Тауэра, где могли казнить и ее. Увы, предчувствия не обманули Анну.

Паркер болезненно поморщился, как будто все это происходило совсем недавно.

– Анна знала, что против нее плетется гнусный заговор. Все ее враги, забыв бывшие распри, объединились. Она боялась их действий. Но я сомневаюсь, что она предчувствовала собственную казнь. Бедняжка. Она оказалась храбрее льва.

– А мой отец? – спросила Елизавета.

Она отказывалась верить, что отец, которого она почитала, ради женитьбы на Джейн Сеймур мог отправить ее мать на плаху.

– Поддался клеветническому влиянию со всеми вытекающими отсюда последствиями, – твердо ответил Паркер.

– Я пришла к такому же выводу, – сказала Елизавета. – Он был великим королем, но поддавался пагубному влиянию.

– Вы правы, ваше величество. – Архиепископ сделал паузу. – Теперь позволю вернуться к своей священнической обязанности. Как я уже говорил, ваша покойная матушка поручила мне заботиться о вашем благополучии. По возрасту я вполне гоюсь вам в отцы и потому хочу дать вам чисто отеческий совет: дабы уберечь себя от возможных превратностей судьбы, найдите себе достойного жениха и сочетайтесь с ним священными узами брака.

Значит, все-таки его послал Сесил!

– Благочестивый Паркер, – резко начала Елизавета, – я не сомневаюсь в твоих благих намерениях, но сейчас ты сам не знаешь, что говоришь. Вспомни судьбу моей матери и других жен моего отца. Уберег ли брак хоть одну из них от превратностей судьбы? Скорее наоборот! Слишком впечатляющие примеры, чтобы я продолжала считать брак тихой и надежной гаванью. – Тон Елизаветы становился все язвительнее. – А браки моего отца? До сих пор нет полной ясности, какие из них были законными и какие нет. Не мне тебе напоминать о жарких спорах, что велись вокруг появившихся на свет в результате этих браков несчастных детей. То законные наследники, то побочные дети. Ты прекрасно знаешь о ложном обвинении моей матери в прелюбодеянии. И как по-твоему, я должна мечтать поскорее стать чьей-то женой? Нет, Паркер. Меня одолевает множество сомнений на этот счет. Можно ли вообще называть брачные узы священными?

Паркер был явно потрясен, но Елизавета не дала ему возможности вставить хотя бы слово:

– Если я выйду замуж, кто поручится, что у мужа не возникнет какого-либо злого умысла против меня? Тебе повезло, благочестивый отец. Ты никогда не был узником Тауэра. А я была. И в иные дни вероятность того, что топор палача опустится на мою шею, бывала чудовищно велика. Я ощущала ее всеми фибрами души. Я даже решила, что буду просить, дабы меня казнили так же, как мою мать: отсекали голову мечом. Это лучше, чем топор. Так неужели ты думаешь, что мне хочется повторить судьбу жен моего отца?

– Успокойтесь, ваше величество. Вы – наша королева. Никто не вправе противоречить вам или заставлять делать что-либо против вашей воли. Вы любимы всеми. Ваши любящие подданные не позволят никому, даже мужу, причинить вам хотя бы малейшее зло.

– Довольно! Мне надоели разговоры на эту избитую тему! – огрызнулась Елизавета. – Я больше не хочу слышать слово «муж»!

После очередного заседания Тайного совета Сесил подал Елизавете письмо.

– Сегодня прибыло, – пояснил он. – Письмо не связано с государственными делами. Это личное послание вашему величеству, а потому думаю, вы захотите прочесть его в уединении.

Голос Сесила был мягок, во взгляде светилась доброта.

Елизавета взяла письмо, и ее душа сразу наполнилась дурными предчувствиями.

– Кто его написал?

– Шотландский богослов Александр Алесс, который нынче живет в Саксонии. А в тысяча пятьсот тридцать шестом году он находился в Англии и был знаком не только с покойным королем Генрихом, но и с Томасом Кромвелем – первым королевским советником. Знал он и архиепископа Кранмера. В письме содержатся сведения о вашей матери. Алесс считал своим долгом сообщить их вам.

Услышав о Кромвеле, Елизавета вздрогнула. Этот человек был повинен в злоключениях ее матери. Он был страшилищем из ее детских снов. Тогда казалось, что он прячется в темных углах, в чуланах, древесных дуплах, за дверями и под кроватью. Много лет подряд, стоило Елизавете услышать это имя, у нее сразу же портилось настроение. Однако теперь, сама став правительницей, она по-иному оценивала Томаса Кромвеля. Он был расторопным, умелым и неутомимым слугой отца, что, впрочем, не помешало ему плести паутину лжи вокруг ее матери!

Сесил смотрел все с тем же сочувствием.

– Сожалею, если письмо опечалит вас. Я всерьез раздумывал, показывать ли его вам, но решил, что не вправе утаивать от вас подобные вещи. Если хотите, я буду рядом, пока вы читаете.

– Нет, Уильям. Оставь меня одну.

Сесил ушел, сказав фрейлинам, что королеве требуется уединение и что потом она их позовет.

Елизавета медленно развернула письмо. Перед глазами заплескали остроконечные черные буквы. Усилием воли она заставила себя успокоиться и принялась за чтение.

Алесс писал живо. Даже слишком живо. Он утверждал, что изложенное им – правда, и призывал в свидетели Христа. Считал, что королева Англии должна узнать о его видении, случившемся в день казни Анны. На рассвете того ужасного дня, когда Алесс и понятия не имел о грядущей казни, у него был сон или видение. Что именно – Алесс сказать затруднялся, ибо сам не знал, спал ли в это время или бодрствовал. Но он вдруг увидел обезглавленное тело Анны, ее окровавленную шею. Видение было настолько отчетливым, что он мог пересчитать все жилы и артерии...

Елизавету замутило. Чтобы унять дрожь, она встала, налила себе разбавленного вина и отпила несколько глотков. За свою жизнь будущая королева видела достаточно крови. И отрубленные головы тоже видела. Но в письме речь шла о ее матери, и ученый-богослов Алесс

с отстраненностью летописца излагал подробности своего видения. Только действительно ли ему было даровано видение? Подтвердить или опровергнуть это Елизавета не могла, однако в письме шла речь о событиях, ставших через несколько часов страшной реальностью.

Может, дальше не читать? Нет, она должна прочесть все до последней строчки. Она должна знать правду.

Алесс писал, что видение невероятно испугало его. Встав с постели, он вышел из дома, взял лодку, переплыл на другой берег Темзы и очутился в Ламбете, где стоял дворец архиепископа Кентерберийского. Алесс надеялся повидать Кранмера и спросить о духовном значении своего видения. Оказалось, что и Кранмеру не спалось. Архиепископа он застал бродящим по саду. Елизавета знала, что Кранмер являлся одним из наиболее стойких сторонников ее матери. Он был духовником семьи Болейн и наравне с Анной горячо поддерживал реформу церкви. Ничего удивительного, что его душу захлестывала тревога.

Архиепископ поинтересовался у Алесса, чем вызван столь ранний визит. Ведь часы еще не пробили четыре часа утра. Алесс объяснил причину и пересказал свое видение. Изумленный Кранмер некоторое время молчал, а затем спросил: «Известно ли вам, какому событию суждено произойти сегодня?» Алесс ответил, что с момента ареста Анны не покидал дома, где остановился, и потому ничего не знает. Тогда архиепископ возвел глаза к небу и сказал: «Та, что была на земле королевой Англии, сегодня станет небесной королевой». Горе архиепископа было столь велико, что больше он не произнес ни слова и залился слезами. Потрясенный услышанным, удрученный Алесс вернулся в Лондон.

Дом, в котором жил Алесс, принадлежал одному из слуг Кромвеля. Хозяин сказал, чтобы он даже не пытался посетить казнь Анны. Иностранцев в Тауэр не допускали. Но у Алесса и не хватило бы духа собственными глазами наблюдать казнь столь блистательной женщины, как королева Анна. Он считал ее совершенно невиновной, а все обвинения в ее адрес – лживыми и клеветническими. Меж тем домохозяин Алесса отправился смотреть казнь. Вернувшись к полудню, он подробно рассказал шотландскому богослову об увиденном. Алесс запомнил его рассказ и теперь хотел рассказать об услышанном дочери Анны.

По словам хозяина дома, королева прикрыла глаза платком. Держа спину прямо, опустилась на колени. Зрителей собралось тысячи две. Анна молилась вслух, прося Бога принять ее душу. Затем сказала палачу, что готова, и велела начинать. Палач оказался умелым и отсек ей голову одним ударом. По мнению Алесса, Анна вряд ли бы выдержала несколько попыток ее обезглавить.

Борясь с подступающими слезами, королева осушила бокал. Уже давно она приучила себя не думать о жестоком конце матери. В детстве Елизавета была жадной до подробностей, глотала их и потом мучилась, поскольку ум отказывался переваривать столь страшные картины. Письмо Алесса снова столкнуло ее с ужасной правдой тех далеких дней. Елизавета побрела в спальню, взяла первый попавшийся носовой платок и присела на кровать, продолжая думать о письме Алесса. Когда Кэт зашла в спальню, чтобы переодеть королеву к вечеру, то застала ее сидящей в темноте.

– Боже мой, Бесс, чего ты тут сидишь впотьмах?

Наедине с Елизаветой камер-фрау снова становилась прежней заботливой Кэт.

– Прочти. – Елизавета подала ей письмо.

Кэт грузно опустилась на кровать, и вдруг Елизавета снова превратилась в девчонку, горько рыдающую на пышной груди своей гувернантки. Молодая королева плакала по матери, которую практически не знала, но которой ей так не доставало.

– Франция – наш враг, – заявил на совете Сесил. – Любая война сейчас имела бы для нас плачевные последствия. Казна пуста. Страна обеднела. В этой ситуации нам крайне важно сохранить нашу давнюю дружбу с Испанией.

Произнеся это, он внимательно посмотрел на Елизавету.

– Мы с благодарностью примем любые дружественные шаги короля Филиппа, – сказала она. – А пока, мои лорды, я хочу выслушать ваши советы по одному деликатному вопросу. Став королевой, я велела парламенту отменить указ, объявлявший брак моей матери незаконным, а меня – незаконнорожденной. Вы знаете обстоятельства, вынудившие парламент принять этот указ. Он превратил меня в побочную дочь Генриха Восьмого... Я хочу, чтобы указ был отменен.

В зале стало тихо. Советники смущенно переглядывались. Потом слово взял Бэкон:

– Ваше величество, я бы советовал вам не делать этого. Королева Анна была несправедливо осуждена, да упокоит Господь ее душу. Но в Англии еще достаточно тех, кто считает обвинения в ее адрес вполне обоснованными. В первую очередь я говорю о католиках. Обвинения против вашей матери ложны, и все, кто сидит в этом зале, придерживаются того же мнения. Однако, к великому сожалению, чудовищность и скандальность этих обвинений почему-то завораживающе действует на людей и кажется им правдой. Если мы снова вытащим на свет божий события более чем двадцатилетней давности, это породит множество кривотолков и даст вашим врагам больше оснований для клеветы. Подобное положение вещей было бы даже опаснее, чем лежащее на вас пятно побочного ребенка короля. Я советую вам не тревожить прах вашей прекрасной матери.

Елизавета кусала губы, чтобы не заплакать.

– Что же получается, мои лорды? Мой Тайный совет трепещет перед какими-то клеветниками. Оказывается, даже став королевой, я не могу восстановить доброе имя своей матери, – с горечью бросила она собравшимся.

– Ваше величество, я бы тоже советовал вам не беречь прошлое, – вмешался герцог Сассекский.

Этот лысый человек с близко посаженными глазами отличался большим жизненным опытом. Выслушав его, остальные согласно закивали.

– Правда все равно восторжествует! – возвысила голос Елизавета. – Запомните мои слова. Имя моей матери не останется покрытым вечным позором.

Сказав это, Елизавета торопливо покинула зал и отправилась в свои покои, шелестя подолом платья. Две фрейлины поспешно вскочили и застыли в реверансе. Елизавета отослала их, оставшись одна... Она столько лет мечтала об этом дне. Ждала момента, когда очистит имя матери от всех нелепых и клеветнических обвинений, а свое имя – от пятна незаконнорожденной. Но Бэкон был прав. Анну Болейн обвиняли в прелюбодеянии, кровосмесительстве и государственной измене. Прошедшие двадцать два года ничуть не обелили ее репутацию. В Европе и сейчас имя Анны произносили с презрительной усмешкой, добавляя оскорбительные эпитеты. Если только Елизавета решится разбудить спящих псов клеветы, найдется немало тех, кто будет шептаться по углам: «Дочка-то вся в мамочку. Яблоко от яблоньки недалеко падает». Этого она не могла допустить. И в то же время Елизавета твердо решила, что возьмет своим королевским девизом девиз ее матери: «Semper eadem» – «Всегда та же». А своим гербом сделает белого сокола, увенчанного короной (такой был на гербе Анны) и восседающего на пне в окружении роз – символа Тюдоров. Для Елизаветы пень символизировал еще и жизнь матери, оборвавшуюся задолго до срока.

Она встала перед портретом Анны Болейн. Портрет был самым дорогим ее сокровищем. Елизавета наткнулась на него давно, лазая по чердаку. Теперь портрет висел напротив ее кровати. От матери Елизавета отличалась цветом волос и формой носа. Анна была темноволосой и имела прямой нос. В остальном они были удивительно похожи. От матери Елизавета унаследовала изящную фигуру, худощавое лицо и глаза с пляшущими огоньками. Эти глаза неизменно притягивали мужчин. Неудивительно, что недоброжелатели так охотно верили в порочность ее натуры. Но от тех, кто хорошо знал ее мать, Елизавета слышала совсем другое.

Анна очень щепетильно относилась ко всему, что касается ее чести, даже когда флиртowała и танцевала с мужчинами своего круга. Она все время помнила, что за ней следит множество враждебных глаз. Но главное, Анна была глубоко религиозной женщиной, искренне преданной делу церковной реформы. Под ее покровительством в Англии тех лет процветала истинная вера. Елизавета жалела, что была тогда слишком мала и не сумела получше узнать и запомнить свою мать. Из вещей Анны осталось немного: этот портрет, небольшой английский клавесин и четыре кулона в форме инициалов Анны, украшенные жемчужными подвесками. В душе сохранились смутные воспоминания о женщине в черном платье с меховыми рукавами, от которой исходил терпкий запах духов. Женщина пела, склонившись над кроватью маленькой Елизаветы, а над головой у нее был нимб. Повзрослев, Елизавета поняла, что нимб – ее детская иллюзия. За нимб она принимала арселе – чепец с серебряным обручем. Для того времени очень смело: ведь арселе открывал лоб и волосы. И тем не менее в детском сознании Елизаветы отпечаталось, что ее мать отмечена особым знаком принадлежности к небесам.

Елизавета расправила платье и заставила себя подумать о чем-то другом. Щипками она придавала щекам румянец, после чего вертела зеркало, любуясь своим отражением на блестящей серебряной поверхности. Но почему она постоянно ходит в черном? Этот цвет преобладал в ее одежде и до смерти Марии. Елизавета носила платья из добротных тканей, но не особенно задумывалась над фасонами. Нет, больше она так одеваться не станет. Прошли времена, когда требовалось быть тише воды ниже травы. Ей больше не надо скрывать от мира свою приверженность протестантизму. Почти десять лет она носила скромные, безыскусные платья благочестивой девицы-протестантки. Но даже в них она выглядела живой, тогда как расфуфыренная королева Мария рядом с ней походила на куклу. По правде говоря, Елизавета выбрала аскетичный стиль в одежде задолго до того, как ей пришлось демонстрировать свою приверженность протестантизму. Она стала так одеваться, когда возникла настоятельная необходимость подчеркнуть свое целомудрие. Тайну Елизаветы знали немногие, а они были не из болтливых.

Но теперь можно забыть об унылой одежде. Можно завивать в локоны длинные выющиеся волосы. Черный цвет в ее гардеробе останется, но его она дополнит белым и серебристым. Это сочетание будет присутствовать в ее шелковых, бархатных, парчовых платьях. В некоторых случаях к ним добавится и золотистый. Елизавета думала о тонких кружевных жабо, прозрачных вуалях и затейливых вышивках. Для каждого наряда она подберет украшения из перешедших к ней по наследству драгоценных камней и жемчугов.

Воображение несло вперед. Елизавета решила украшать свою одежду эмблемами, отвечающими ее положению и убеждениям. Там будут розы – символ дома Тюдоров; пшеничные колосья – знак ее веры в Христа; шелковица – символ мудрости; солнце, означающее правительницу, ведомую Богом; и наконец, ее любимые анютины глазки. Из других символов она выберет горностаю – символ чистоты; пеликана, олицетворяющего материнскую любовь и жертвенность; сито – знак благоразумия и феникса – символ бессмертия. По этим символам подданные будут знать, кто она такая и какие ценности защищает. Елизавета просто ликовала. Она немедленно соберет всех своих портних и вышивальщиц! И незачем понапрасну тратить деньги. От коронации Марии осталось роскошное, богато украшенное платье. Пусть портнихи переделают его сообразно ее фигуре, и это сэкономит казне ощутимую сумму.

Елизавете хотелось, чтобы мужчины восхищались ею. Достичь этого будет несложно. Во-первых, она королева. А во-вторых, унаследовала материнский дар – умение убеждать мужчин в том, что она красива. Но для одного мужчины ей хотелось выглядеть по-настоящему красивой. Она мечтала, чтобы Роберт Дадли завороченно смотрел, как она шествует по залам дворца, и видел в ней нечто большее, чем женщину! Елизавета поймала себя на том, что думает о Роберте все чаще. Ей очень нравились их ежедневные прогулки верхом, добродушное подтрунивание, кокетливая игра в кошки-мышки. Казалось бы, невинные развлечения, но, если

быть с собою честной, они становились для нее все более значимыми. И для Роберта тоже. В этом Елизавета не сомневалась. Она часто ощущала, как Роберту приходится себя сдерживать.

На стене, ближе к двери, висел еще один портрет, который тоже всегда притягивал взгляд Елизаветы. Это был портрет Генриха Восьмого кисти немецкого мастера Ганса Гольбейна-младшего. Глядя на полотно, Елизавета сознавала: воистину отец – король среди королей, и гордилась, что является его дочерью. Она всегда думала о себе как о маленькой львице, слепленной из того же теста, что и Генрих Восьмой. Конечно же, Елизавета понимала: внешнее великолепие не самая главная составляющая королевской власти. Она станет править так же, как ее отец, но без его жестокости. Однако при всех творимых им жестокостях, при изменениях в религии и несчастливых браках Генрих Восьмой сохранил любовь подданных. О нем и сейчас говорили с благоговейным трепетом и искренним восхищением. Думая об этом, Елизавета сделала вывод: англичане любят сильных королей. Она слышала, что в молодости ее отец был настоящим героем. Воинственный, одерживающий победы, воплощение старой английской королевской крови. Он пользовался заслуженной популярностью. Народ ценил в нем чувство локтя. Елизавета решила, что возьмет все лучшее, что унаследовала от отца. Тем, в чьих жилах текла кровь Тюдоров, было легко завоевать любовь народа.

В отличие от лица матери, отцовское лицо Елизавете запомнилось хорошо. Художник точно передал его умные, пронизательные глаза, высокий римский нос, небольшой чувственный рот. Как жаждала Елизавета его улыбок, его отцовских ласк и похвал. Такое случалось редко. Почти все детство она видела отца лишь издали – недостижимого, как Бог. Иногда, под настроение, он вдруг становился добрым, любящим, готовым играть и резвиться с дочерью. Это были лучшие минуты в жизни будущей королевы. Пусть отец и объявил незаконным брак с ее матерью, отчего Елизавета сразу стала побочным ребенком, но он гордился своей дочерью, и она это знала. Знала и то, что отец видел в ней свои черты.

Эта мысль всегда приносила Елизавете утешение, ибо на протяжении всей жизни ее сопровождали слухи, будто бы она вовсе не дочь Генриха Восьмого, а плод прелюбодеяния ее матери и одного из так называемых любовников Анны. Даже сестра Мария верила этим слухам: несколько раз она говорила, как здорово Елизавета похожа на Марка Смитона – придворного лютниста, казненного вместе с Анной. Марию очень устраивала такая версия происхождения Елизаветы. Просто эту католическую святошу пугало, что однажды Елизавета может занять королевский трон. Лишний раз уколоть и позлить младшую сестру было одной из немногих радостей Марии.

«Я – дочь своего отца», – часто твердила себе Елизавета. Король никогда этого не оспаривал. Он не сомневался в ее происхождении и всегда называл своей дочерью. И тогда и сейчас многие замечали разительное сходство Елизаветы с отцом. Те же золотисто-рыжие волосы, тот же благородный профиль. Кое-кто говорил, что она даже больше похожа на покойного короля, чем Мария. Однако все это не убеждало Елизавету, и она часто вглядывалась в отцовский портрет, ища подтверждение. Напоминала себе, что отец никогда не исключал ее из числа престолонаследников. Будь у него хотя бы крохи сомнения в своем отцовстве, жизнь Елизаветы сейчас текла бы совсем в другом русле.

Она росла, обожествляя Генриха Восьмого. Затем детское обожание сменилось почитанием его памяти. Елизавета уже решила, что в официальных документах будет называть его «горячо любимым отцом ее королевского величества». Она не могла знать, как по-настоящему отец относился к матери, но в душе не сомневалась, что отец ее любил. Когда-то, если верить чужим рассказам, он самозабвенно и безрассудно любил Анну. И почему именно судьба матери подтвердила известное изречение: «От любви до ненависти один шаг»? Елизавета часто задавала себе этот вопрос, так и не находя ответа.

Настало время перебираться в Лондон. Королеве положено жить в столице. К тому же неумолимо приближался день коронации. Когда длинный кортеж достиг лондонских стен, в ушах Елизаветы звенело от приветственных криков. Они сопровождали ее от самого Хэтфилда, едва королева тронулась в путь. По обеим сторонам дороги стояли толпы жаждающих хотя бы мельком взглянуть на нее. Люди все прибывали и прибывали, жители фермерских хуторов и деревень. Мелькали сельские пейзажи. Елизавета впервые смотрела на них глазами королевы. Это заставляло ее восхищаться просторами зеленых полей с разбросанными между ними деревушками, где над каменными и деревянными домиками возносились башни церквей. Ее умиляли оживленные городки с узкими улицами, лавками, в которых толпился народ, и спокойное величие особняков за кирпичными стенами. С одинаковым интересом смотрела Елизавета на леса и охотничьи земли. Это была ее Англия, населенная ее подданными.

– Елизавета! Елизавета! Да хранит Бог нашу королеву Елизавету! – снова и снова, падая на колени перед кортежем, кричали люди.

Елизавета была тронута до глубины души и снова мысленно поклялась верно служить своим подданным, дабы снискать их любовь. Она должна обеспечить им мирную жизнь и право выбирать религию по душе.

У стен столицы королеву встречал лорд-мэр, облаченный в ярко-красный плащ. Его сопровождали олдермены и шерифы. Елизавета спешила и подошла к ним, протягивая каждому руку для поцелуя и поднимая каждого с колен. Неожиданно она заметила приближающуюся фигуру епископа Боннера. «Кровавого» Боннера, который с особым усердием сжигал еретиков. Он тоже встал на колени. Толпа засвистела и заулюлюкала. Но вскоре приветственные крики возобновились, когда все увидели, что Елизавета намеренно отвернулась от епископа и не протянула ему руки.

Ее свита насчитывала не менее тысячи человек. Облаченная в королевский пурпур, Елизавета подъезжала к угрюмым стенам Тауэра. Какая ирония судьбы. Тауэр вновь становился местом ее обитания; на сей раз потому, что Уайтхолл еще не был надлежащим образом подготовлен. Впереди ехали лорд-мэр, командир ордена Подвязки и герцог Пемброк. Последний держал высоко поднятый государственный меч. Сердце Елизаветы больше грело то, что позади ехал щеголевато одетый Роберт Дадли на потрясающем вороном жеребце. Двигались медленно. Елизавета то и дело останавливалась, чтобы улыбнуться и приветливо помахать рукой, переброситься шуткой, выслушать чью-то горестную историю или принять скромный, но с любовью преподнесенный подарок. Все это работало на нее. Вскоре королеву уже громко восхваляли за умение сострадать простым людям, за чувство локтя и заботу.

«Пусть иноземные правители угрожают мне, – думала ликующая Елизавета. – У меня есть любовь народа, а это дороже тысячи армий».

У ворот Тауэра она спешила, взяла поводья своей лошади и не без внутреннего трепета вступила в пределы крепости, где провела три ужасных месяца, когда каждый день мог стать ее последним днем. И было это не так уж давно – неполных пять лет назад. Елизавета заставила себя улыбаться и не думать о прошлом. Здесь она обратилась к собравшимся с краткой речью:

– Мои любезные подданные! Я не впервые оказываюсь под сводами Тауэра. В прошлый раз я находилась здесь в качестве узницы, несправедливо обвиненной в государственной измене. Меня могли казнить, и я об этом знала. Сейчас же я от всего сердца благодарю Всмогущего Бога, уберегшего меня от плахи и позволившего дожить до этого прекрасного дня!

Елизавета ни словом не упомянула о своей матери, чья кровь пролилась здесь двадцать два года назад. Но Анна Болейн заполняла все ее мысли. В тот же день, немного остыв после встречи и нескончаемых приветствий, Елизавета захотела навестить покои королевы. Комнаты, которые занимала Анна перед коронацией и в которых спустя три коротких года ожидала казни. Там же и сама Елизавета провела страшные недели, каждый день ожидая встречи с эшафотом. Ее могли бы содержать в других помещениях, но Мария вознамерилась усугубить

страдания младшей сестры. В этом Елизавета не сомневалась. Когда она попросила разрешить ей прогулки, удивило, с какой готовностью согласилось тюремное начальство. Пожалуйста, гуляй, но вдоль стены, глядящей в сторону эшафота. Эшафот находился напротив здания крепостного хранилища королевских драгоценностей и предназначался для леди Джейн Грей. Его поставили на том самом месте, где казнили Анну Болейн. Елизавета вспомнила свои ежедневные горячие молитвы о том, чтобы эшафот разобрали.

Естественно, к ее приезду здесь все вымыли и выскребли, поставили богатую мебель и повесили роскошные портьеры, но вымыть и отскрести память о страданиях оказалось невозможно. Елизавета без сожаления закрыла дверь покоев, радуясь, что ей отвели комнаты в старых покоях короля. Стены здесь были увешаны шпалерами, расшитыми золотом и серебром. Под громадным балдахином с королевской эмблемой, края которого украшали россыпи мелких жемчужин, находилась такая же громадная кровать с мягкой периной и обилием подушек. Рядом высился трон, сделанный для отца. Елизавета узнала узор на зеленом дамасте. Вспомнила и подставку для ног. В последние годы у отца сильно болели ноги.

«Да упокоит Господь его душу», – подумала Елизавета, захваченная величественным, но печальным зрелищем.

Возбуждение не давало уснуть. Елизавета ворочалась на просторной кровати. Мысли снова и снова возвращались к матери и угрюмой веренице изменников, чья жизнь оборвалась в Тауэре. От королевских покоев было рукой подать до часовни Святого Петра в веригах, где в безымянной могиле похоронили Анну. Елизавета с радостью перенесла бы останки матери в Вестминстерское аббатство и захоронила в мраморной гробнице. Но она помнила слова Бэкона. Такой демарш был бы неполитичным и разворошил бы много такого, чего лучше не трогать.

Молодая королева крутилась, вертелась, кувыркалась, сворачивалась клубочком и замирала, вытягиваясь во весь рост. Сон все равно не шел. И вихрь мыслей тоже было не остановить. Когда покои готовили к ее приезду, почему-то никто не удосужился проверить окна. Рамы закрывались неплотно, и по роскошной спальне гуляли сквозняки, принося с собой вонь и шум здешнего зверинца. Наконец Елизавета, которой надоело сражаться с бессонницей, встала, набросила поверх сорочки плотный халат, сунула ноги в бархатные шлепанцы и дополнила свое одеяние темным плащом. Дежурная фрейлина, спавшая на узкой походной кровати, ворочалась и спросила, что угодно ее величеству. Елизавета велела ей спать дальше, а сама по винтовой лесенке спустилась вниз, в ночной холод. Она стояла во внутреннем дворе Тауэра. Впереди высилась громада Белой башни. Справа темнело здание королевской сокровищницы, а слева – приземистый Королевский зал, где Анну допрашивали и приговорили к смерти. Елизавета решила, что эту ночь она посвятит памяти матери. Такой шанс у нее появился впервые.

Королевские гвардейцы, охранявшие внутренний двор, были удивлены, увидев свою королеву в столь ранний час, да еще одну. Но перечить Елизавете не посмели. Она приказала открыть Колдхарборские ворота – единственный проход, через который можно было попасть во внутреннюю часть Тауэра. Гвардейцы хотели сопровождать ее, но королева отказалась, велев им дожидаться ее возвращения. Пройдя через Зеленую башню, она направилась к часовне Святого Петра в веригах, одиноко стоявшей рядом с громадным зданием сокровищницы. Скрипнула незапертая дверь часовни. Елизавета вошла туда, где прежде никогда не бывала.

Ее встретила полная тишина. Сквозь окна часовни лился лунный свет. Возле алтаря горела одинокая свеча – знак постоянного Божьего присутствия. Елизавета побрела по каменным плитам к пустому нефу. Слева от нее тянулась замершая колоннада. Достигнув ступеней алтаря, Елизавета опустилась на колени. Ей рассказывали, что ее мать и Екатерина Говард похоронены где-то перед алтарем, рядом с обезглавленными герцогами Сомерсетским и Нортумберлендским. Увы, Елизавета не знала, с какой стороны находится прах Анны Болейн.

Ничего. Где-то под этими камнями, на глубине нескольких дюймов, находился гроб из вяза, куда в страшный день весны 1536 года поместили обезглавленное тело ее матери.

Благочестивой протестантке, какой была Елизавета, не пристало молиться за усопших. Эти молитвы упразднил ее брат Эдуард Шестой, сын Джейн Сеймур. Ревностный протестант, слишком рано покинувший трон и земное существование. Однако Елизавета придерживалась прежней версии молитвенника, составленного архиепископом Кранмером, где такие молитвы были. Она уже решила, что непременно сохранит в церквях распятия, украшенные драгоценными камнями. Кое-кто из упрямых реформаторов церкви и пуритане считали их признаком язычества. И молитвы по усопшим Елизавета тоже оставит. Почему она должна сохранять порядок, введенный фанатичным мальчишкой, который даже не успел почувствовать себя королем? Что плохого в молитвах по усопшим? Кто знает, быть может, этими молитвами живущие облегчают участь тех, что оставили сей бренный мир. Елизавета молитвенно сложила руки, как могла успокоила ум и стала раз за разом повторять прекрасные строки молитвы, составленной Кранмером:

«Милости Твоей вверяю слугу твою Анну, оставившую этот мир в твердой вере и ныне пребывающую в вечном покое. Молю Тебя, пусть ничто не нарушит ее покоя и изольется на нее Твоя благодать».

Странный покой снизошел на душу Елизаветы. Ей было хорошо здесь, в полутемной часовне, рядом с останками матери, которую она едва помнила. Кэт часто повторяла, что Анна любила ее и гордилась ею. И как ужасно было для Анны... нет, подобное состояние лежало за гранью ужаса... покидать этот мир, оставляя малолетнюю дочь. Как будет расти любимое дитя? Сколько грязи и клеветы изольют на детскую душу те, кто погубил ее саму? Как бы она ни желала, Анне уже не восстать из гроба и не защитить Елизавету. За два дня до казни король объявил свой брак с ней незаконным. Елизавета стала побочным ребенком короля. Ужасно идти на эшафот, сознавая, какое страшное наследие она оставляет малютке. Со слов Кэт, Елизавета знала: выбор вида казни Анны оставался за королем. Ее могли либо сжечь у позорного столба, либо обезглавить. Ей предложили более милосердную смерть, если она признает расторжение своего брака с королем. И кто посмел бы обвинить Анну, что она предпочла смерть от меча мучительной смерти в огне?

Елизавета стояла на коленях возле алтаря, продолжая удивляться покою, снизошедшему на нее. Показалось, что рядом молится кто-то незримый, даруя ей свою любовь, радость и приятие. Конечно, это было лишь плодом воображения, в чем Елизавета пыталась себя уверить, возвращаясь обратно в свои покои. И все же в сердце оставалась глубокая уверенность, что Бог ответил на ее молитвы, а кем-то незримым была ее мать, принеся исцеление и покой измученной душе своей дочери.

1559

Январь ознаменовался коронацией Елизаветы в Вестминстерском аббатстве. Накануне она явила себя народу, проехав по запруженным лондонским улицам. Казалось, в Лондоне собралась вся Англия. Люди теснили друг друга, вытягивали шеи, чтобы получше разглядеть проезжавшую королеву. Все дома были празднично украшены шпалерами, флажками, разноцветными лоскутами и гирляндами из еловых ветвей. Звонили колокола всех лондонских церквей; едва ли не с каждого перекрестка доносилась музыка, а народу не убавлялось. Лорд Роберт тщательно продумал и великолепно устроил всю церемонию, превратив проезд королевы в захватывающий спектакль под открытым небом. Елизавета радовалась ничуть не меньше простолудинов. Особенно ее тронуло живописное панно, на котором в полный рост были изображены ее родители – король Генрих Восьмой и королева Анна. Глядя на холст, Елизавета не могла удержаться от слез, особенно когда кто-то в толпе выкрикнул: «Помните старину Генриха Восьмого? Глядите, он вернулся к нам в облике своей дочери!» Елизавета не уставала благодарить горожан за теплый прием.

– Я буду такой, какой и надлежит быть королеве, – доброй и заботливой к своим подданным, – обещала она, чувствуя ответные волны народной любви.

День коронации выдался снежным. Елизавета шла к аббатству, накинув плотный шелковый плащ с горностаевым подбоем. Она не стала тратить на новый наряд для коронации, а надела платье Марии, в котором та короновалась пять лет назад. Сотни свечей освещали лица тех, кто удостоился чести быть приглашенным на церемонию. Пламя играло гранями драгоценных камней, отражалось на королевских регалиях и вспыхивало золотом на бесценных шпалерах ее отца, скопированных с полотен великого Рафаэля. Когда епископы представили Елизавету ее подданным, зал буквально затопили приветственные крики, заглушив гудящий орган и звонкие голоса труб. Стены старинного аббатства едва выдерживали эту лавину звуков. Ритуал избрания, ритуал принесения клятв, ритуал помазания. Затем Елизавету усадили в старинное коронационное кресло, а над ее головой подняли корону. В тот момент, когда корона увенчала ее голову, новая королева думала о своих родителях, переживая неопишемое ликование. Отныне она законная королева, и Бог вверил в ее руки управление Англией. Она долго и упорно боролась за эту корону, и теперь никому не удастся лишить ее королевской власти.

Через десять дней Елизавета открыла свое первое заседание парламента, восседая на золотых подушках и под балдахином с королевским гербом. Но не успела она снять с себя торжественные одеяния и предоставить обеим палатам заняться обсуждением насущных дел, как в Уайтхолл явился спикер парламента и депутация от палаты общин, прося аудиенции у ее королевского величества.

Елизавета неохотно вышла в приемную. Стены и резные колонны были покрыты листовым золотом, а черно-белые мраморные плиты пола устилали роскошные и весьма дорогие турецкие ковры. Великолепию зала королева противопоставила скромность своего облика, явившись в простом платье девственно-белого цвета. Но стоило ей воссесть на трон, и в ней увидели богиню. Неудивительно, что и спикер, и депутация палаты общин благоговейно опустились на колени.

– Сэр Томас Гаргрейв, – произнесла Елизавета, показывая свою готовность выслушать спикера.

Так будет всегда. Она искренне любила народ, но хорошо понимала разницу между народом и палатой общин.

– Ваше величество, мы явились с петицией от палаты общин, – заговорил заметно волнующийся спикер. Прежде чем продолжить, он проглотил слюну. – Мы полагаем, что для вашего

блага и для блага вашего королевства вам стоило бы выйти замуж, дабы супруг освободил вас от тягот, посильных лишь для мужских плеч.

Елизавета вспыхнула, но промолчала. Краешком глаза она заметила среди придворных Роберта Дадли. Он внимательно смотрел на нее. Неподалеку стоял Сесил, который хмурился и кивал. Раздражение Елизаветы только возросло.

Словно не замечая недовольства королевы, сэр Томас продолжал движение по опасному пути:

– Правители смертны, но королевство живет веками. Если ваше величество не выйдет замуж, оставаясь, так сказать, целомудренной весталкой, это будет противоречить общественным интересам.

Елизавета заставляла себя держаться в рамках приличий, хотя от утверждений спикера, что королевские обязанности по плечу лишь мужчинам, ее лицо покраснело. Ее так и подмывало спуститься с трона и надрать этому Гаргрейву уши.

– Вы подняли один из самых неприятных для меня вопросов, – сказала она. – И в то же время меня радует искренняя забота моих верных парламентариев о моем благе и благе всего народа.

Она снова посмотрела в сторону Дадли и Сесила. Оба с жадностью слушали.

– Я решила оставаться незамужней, хотя весьма достойные принцы добивались и будут добиваться моей руки. Однако у меня уже есть супруг, и его имя – английское королевство.

Елизавета простерла руку, на пальце которой сверкало коронационное кольцо, и пылающим взглядом обвела зал:

– Всех, кто здесь присутствует... всех без исключения англичан я считаю своими детьми и родственниками. Сэры, я буду действовать так, как укажет мне Бог. Я никогда не стремилась к замужеству, однако я не стану полностью исключать такой возможности. Обещаю вам: наше королевство не останется без наследника. Что же касается меня, возможно, я удовлетворюсь тем, что на моем мраморном надгробии напишут: эта королева жила и правила в такое-то время, оставаясь девственницей, и девственницей умерла.

Произнеся эти слова, Елизавета кивнула коленопреклоненным посланникам палаты общин, сошла с трона и покинула зал, лишив спикера возможности что-либо ответить. Сесил, внимательно наблюдавший за королевой, в каждом ее порывистом движении видел едва сдерживаемый гнев. Он должен был последовать за ней и, не обращая внимания на ее раздраженное состояние, еще раз напомнить об опасностях, которые подстерегают незамужнюю королеву. Избранный ею курс иначе как безумием не назовешь!

Елизавету Сесил догнал в галерее, ведущей в ее личные покои:

– Ваше величество... ваше величество, позвольте вас на пару слов.

Королева направлялась в пустовавший зал, где обычно собирался ее Тайный совет.

– Чего тебе, Уильям?

Взгляд у нее был настороженный. Она знала, о чем он собрался говорить.

– Ваше величество, если вы не выйдете замуж, то не сможете родить наследников и передать одному из них трон.

– Уильям, неужели ты не понимаешь простых вещей? Если я выйду замуж и рожу детей, любой из моих сыновей без труда найдет себе сторонников и составит заговор, чтобы меня свергнуть. Я ведь просто женщина. Разве кто-то решится его порицать?

Сердитые глаза буравили Сесила, которому, казалось, нечего возразить. Однако доводы у государственного секретаря все-таки нашлись.

– Ваше величество, я прошу вас задуматься вот о чем. Если вы не родите детей, кто станет вашим преемником? Нынешний парламент полон решимости упрочить в Англии протестантизм. Вы и без меня знаете, что все ваши потенциальные преемники – католики.

Елизавета посмотрела на него сердито, однако Сесил был прав. Взять ту же Марию Стюарт, уже называющую себя королевой Англии. Ее поддерживает могущественная Франция, хотя по английским законам Мария считается иностранкой и претендовать на английский престол не может. Правда, французы в подобные тонкости английского престолонаследия не вникают. Мысленно (ни в коем случае не вслух) Елизавета склонялась к мнению, что куда более удачной претенденткой была Кэтрин Грей, но та всегда вызывала у нее досаду. Сейчас Кэтрин вовсю заигрывала с Испанией, надеясь, что король Филипп надавит на Елизавету и заставит новую королеву назвать ее своей преемницей.

Словно читая мысли Елизаветы, Сесил спросил:

– Неужели вы хотите, чтобы вашей преемницей стала леди Кэтрин Грей?

– Ни в коем случае! – резко ответила Елизавета. – Эта Кэтрин не более чем прелестный цветок, клонящийся туда, куда дует ветер. Ни мозгов, ни принципов.

– Ваше величество, я придерживаюсь такого же мнения. Хотя бы в этом наши взгляды совпадают. Я не перестаю молить Бога, чтобы Он послал вам мужа, а затем и сына, – сказал Сесил, делая страдальческое лицо.

– Чтобы Англия снова оказалась под властью короля? – взорвалась Елизавета. – Уильям, я же вижу тебя насквозь. Ты, как и большинство мужчин, считаешь, что женщине... не пристало править государством. Это якобы несвойственное ей занятие. Ты хочешь, чтобы меня на законных основаниях заперли в детской, а муж правил бы от моего имени. В очередной раз повторяю: ни за что!

Сесил вспыхнул:

– Ваше величество, я возражаю. Я никогда не хотел такого развития событий. Я едва ли не самый преданный ваш подданный. Не я ли помог вам утвердиться на троне?

– Конечно помог, и за это я тебе благодарна. Не подумай, будто я быстро забываю хорошее.

– Так укрепите свою позицию, выбрав себе мужа!

Глаза Елизаветы стали холодными и жесткими.

– И кого ты предлагаешь? – скривив рот, спросила она.

– Не исключено, что вашей руки будет просить король Филипп.

– Неужто ты забыл, как его ненавидели при дворе моей сестры? Да и народ не жаловал короля-иностранца. Тебе напомнить, как он втянул Англию в две разрушительные войны, в результате которых мы потеряли Кале – наше последнее владение во Франции? А еще вспомни, как жестоко он бросил королеву Марию!

– Ваше величество, я же не говорю, что вы непременно должны согласиться на его предложение. Может статься, что кто-то из достойных чужеземных принцев изъявит желание ради вас покинуть свою страну и будет всячески поддерживать вас в вопросах религии.

– Эти условия существенно сужают выбор, – язвительно заметила Елизавета. – Таких принцев в Европе можно пересчитать по пальцам. И я еще не знаю, устроит ли их положение принца-консорта. А если подходящих кандидатур не сыщется, что тогда? Предложишь мне выйти за обыкновенного аристократа? Представляю, какое жуткое соперничество это породит при дворе! И потом, такой шаг был бы оскорбителен для моей крови.

Сесил снова вздохнул:

– В таком случае, ваше величество, как вы намерены решать вопрос преемственности власти?

– С Божьей помощью через какое-то время он решится сам собой. Можешь мне верить, – заявила Елизавета. Утихшее было раздражение вспыхнуло снова. – Пойми, Сесил, у меня и без твоих назойливых напоминаний забот хватает. У меня нет времени думать о подобных... пустяках. Католики уже зашевелились. Пуритане тоже получили не ту королеву, о какой мечтали. Угроза со стороны Франции ничуть не уменьшилась. Шотландские протестанты отча-

янно нуждаются в моей помощи. Мария Стюарт и Кэтрин Грей не оставили надежд скинуть меня с трона, а государственная казна пуста. Мне некогда думать о замужестве!

Раздражение улеглось, но страх не проходил. Елизавета чувствовала, как он бурлит в крови. У королевы имелись разумные и очень серьезные доводы в пользу незамужней жизни. К тому же пугало само упоминание о замужестве. Только один человек почти понимал ее, но даже он, зная Елизавету с восьмилетнего возраста, не знал всех ее секретов.

– Робин, пойдем прогуляемся, – предложила она, тронув Дадли за плечо.

Она нашла его в галерее, где висели портреты и карты. Роберт внимательно разглядывал карту североамериканских открытий Себастьяна Кэбота, но тут же оставил это занятие и последовал за королевой в ее личный сад. Даже в январе там было полно зелени. Они побрели мимо раскрашенных колонн, увенчанных позолоченным геральдическим зверьем. Фрейлины королевы, закутанные в меха и все равно дрожавшие от холода, держались на почтительном расстоянии. Можно сказать, что Елизавета и Роберт остались наедине. Холода Елизавета не ощущала. Она любила всякую погоду.

– Ты сам слышал, что сегодня изрекли посланцы от палаты общин, – сказала Елизавета, когда они свернули на дорожку, ведущую к Темзе. – Ей-богу, не понимаю, как я могу выйти замуж и оставаться королевой! Муж имеет власть над женой точно так же, как королева имеет власть над подданными. Роберт, ты лучше, чем кто-либо, знаешь, какой была моя жизнь, прежде чем Бог надел на меня корону. Наконец-то я освободилась от власти всех, кто подвергал меня опасностям или вынуждал делать то, чего я делать не хотела. Наконец-то мне не нужно озираться по сторонам. Я люблю свою власть. Я чувствую себя освободившейся. Но скажи, какая власть, какая свобода останутся у меня, если я выйду замуж?

– Все зависит от человека, за которого ты выйдешь, – немного подумав, ответил Роберт. – Нашлись бы мужчины, которые почли бы за великое счастье просто находиться рядом с тобой. О большем бы они и не просили.

– Зная мужчин, я в этом сомневаюсь, – возразила Елизавета.

– Рискну утверждать, Бесс, что тебе просто не встречались такие мужчины. А большинство других... да, они сразу же начнут повторять избитые фразы, что власть мужчины над женщиной от Бога.

– Возможно, мне действительно не встречались такие мужчины, – задумчиво произнесла Елизавета, не желавшая заглаживать наживку Роберта. – Но мне нужно, чтобы мои советники и парламентарии твердо усвоили, что мое незамужнее состояние меня вполне устраивает и на управлении государством никак не сказывается. Робин, ты хорошо знаешь многих из них. Пожалуйста, вбей это им в голову. Внушай им эту мысль при каждом удобном случае. Я уже устала пикироваться с Сесилом. Он тоже считает, что я обязательно должна выйти замуж.

– Бесс, Сесил – очень неглупый человек, но он искренне не понимает твоего упорного нежелания выходить замуж. Честно говоря, я тоже.

Елизавета остановилась. Вид у нее был подавленный.

– Робин, мне этого не объяснить. Могу лишь сказать, что я скорее предпочла бы уйти в монастырь или покончить с жизнью, чем поддаться чужому нажиму и расстаться со своей девственностью.

Роберт глядел на нее с сочувствием, однако доля скептицизма в его взгляде все же оставалась. Ходили слухи, что Елизавета вовсе не девственница. Роберта это возбуждало. Он не был моралистом, порицавшим каждую женщину, лишившуюся девственности вне брака. И вдруг сейчас Елизавета на полном серьезе заявляет, что скорее умрет, чем выйдет замуж.

– Бесс, давай посидим, – предложил Роберт, беря ее за руку и подводя к беседке. В теплое время года эта беседка бывала увита плющом, дававшим тень и прохладу. – Ты всегда была со мной откровенна. И ты знаешь: я ни разу не предал твое доверие. Скажи мне, чего ты боишься?

– Есть такое, о чем я не могу рассказать даже родственной душе.

Она дрожала, но явно не от холода.

– Бесс, вряд ли есть более родственные души, чем мы с тобой. Мы с тобой много пережили и перестрадали. Я знаю, сколько всего выпало на твою долю.

– Знаешь, но не все.

– Естественно, всего я знать не могу. Разве возможно заглянуть в сердце другого человека? Но я подозреваю, что твои страхи коренятся в далеком прошлом. Помню, ты в восемь лет уже признавалась мне в своем нежелании выходить замуж.

– Это было, когда казнили Екатерину Говард, мою третью мачеху. Казалось бы, восемь лет, совсем ребенок. Но даже тогда я знала, что такое прелюбодеяние и государственная измена. Я слишком рано получила знания о подобных вещах. – В голосе Елизаветы звучала горечь.

– Из-за своей матери?

– Да. Когда казнили твоего отца, ты был уже вполне взрослым мужчиной. А когда казнили мою мать, мне не исполнилось и трех лет. Я была немногим старше, когда узнала о причинах казни Анны. Я росла, неся в душе этот тяжкий груз. Я и сейчас вздрагиваю, вспоминая кошмарные сны той поры. А потом казнили Екатерину, и былой ужас охватил меня снова. Я опять задумалась о гибели матери, и мои мысли были еще мрачнее, чем в раннем детстве. Вокруг меня хватало разговоров и сплетен о случившемся, так что, не присутствуя на казни, я очень живо представляла ее во всех подробностях. И если мне было худо, подумай, каково было моему отцу! Все его браки оборачивались для него мучениями и пытками. Мои мачехи менялись одна за другой. Двое умерли в родах. Если говорить о родственниках со стороны матери, никто не был счастлив в браке. Нескончаемые распри, имущественные споры, потоки грязи. Думаю, теперь ты понимаешь, почему я не могу спокойно говорить о браке или считать брак гарантией своей безопасности.

– Тебя страшат роды?

– Да, и я этого не скрываю. – Для Елизаветы было вполне естественным обсуждать с Робертом столь деликатные вопросы. – Однажды мой врач сказал, что деторождение может мне дорого стоить. И с тех пор...

Воспоминания были унижительными и даже сейчас заставляли вздрагивать. Доктор Хейк настолько испугал ее, что Елизавета поняла: никогда она не рискнет забеременеть.

– Я боюсь и другого. Рождение детей ограничило бы мою королевскую власть. Я бы выпала из привычной жизни. Все вокруг твердили бы, что мне нельзя волноваться. Такой удобный предлог, чтобы отобрать у меня власть.

– Твой страх вполне понятен. – Роберт осторожно прикрыл своей рукой ее руки. – Но тебя окружает много достаточно надежных людей. Я бы быстро усмирил желающих узурпировать твою власть. И не я один.

Роберт осторожно сжал ее пальцы. В его взгляде было сочувствие и... что-то еще.

– Бесс, ты ведь сказала мне не все. Чувствую, есть то, о чем ты не можешь или не хочешь говорить.

– Есть, но об этом я не расскажу ни тебе, ни кому-либо другому.

Елизавета неохотно убрала руку.

– Может, тебя страшит сама процедура зачатия? – спросил Роберт.

– Робин, ты слишком сильно давишь на меня!

– Бесс, не злись. Ты всегда высказывалась прямо и за словом в карман не лезла. Ты с детства умела за себя постоять. Если, как ты говоришь, я на тебя давлю, то с единственной целью – помочь.

Внутри Елизаветы что-то таяло. Как хорошо, что рядом с ней Роберт, всегда готовый успокоить. Положить бы сейчас голову на широкое плечо его парчового камзола и поддаться

утешениям. Если бы он попытался ее поцеловать, она бы даже не возражала... или возражала совсем чуть-чуть. Несмотря на все страхи, эти разговоры об интимных делах действовали на Елизавету возбуждающе. Она желала Роберта, хоть и боялась. Поделиться же одной из самых мрачных своих тайн она не могла. Эту тайну она не поверит никому, даже Роберту. Слишком хорошо помнила Елизавета другого темноглазого искуителя.

– Ты уже помог мне, – твердо сказала она. – А теперь я должна идти и дать аудиенцию испанскому послу.

Граф де Ферия застыл перед ней в низком поклоне. Все эти недели Елизавета старалась избегать испанского посла, демонстрируя, что способна править самостоятельно, без оглядки на Испанию. Однако продолжать эту тактику было неразумно. Незачем злить короля Филиппа.

Большинство послов Елизавета встречала в общей приемной – испанского же посла она решила принять в своих личных покоях. Это считалось привилегией, ибо туда допускались особо выдающиеся или те, к кому королева благоволила. В личной приемной, за тронем, одна из стен была украшена громадной фреской Ганса Гольбейна, где художник изобразил ближайших предков Елизаветы. Ее деда Генриха Седьмого и бабушку Елизавету Йоркскую, в честь которой ее и назвали. На переднем же плане был изображен Генрих Восьмой с Джейн Сеймур, родившей ему долгожданного наследника – Эдуарда Шестого. Величественная фигура отца буквально стягивала на себя все пространство зала, приковывая восторженные взгляды всех, кто достаивался чести ее увидеть. Один из них признался Елизавете, что фреска пробудила в нем сознание собственного ничтожества. Королеве очень хотелось, чтобы подобные чувства испытал и де Ферия.

– Ваше величество, я прибыл с весьма особым посланием моего государя, – начал де Ферия.

Чувствовалось, что ему здесь неуютно. Испанец с опаской поглядывал на фреску, словно ожидая, что «простоватый король Хал» (такое прозвище было у Генриха Восьмого) спрыгнет со стены и разразится негодующими словами по поводу союза между Англией и Испанией, после чего повелит арестовать посла.

Елизавета улыбалась, хотя предпочла бы, чтобы де Ферия явился к ней без всяких посланий, тем более особых.

Совладав с собой, испанец заговорил в своей обычной цветистой манере:

– Король Филипп выражает надежду, что ваше величество по-прежнему заинтересованы в союзе двух королевств и что вы готовы скрепить этот союз согласием на брак с ним.

Елизавета редко теряла дар речи. Но сейчас она мучительно подбирала слова, одновременно стараясь, чтобы с лица не исчезла улыбка. Де Ферия не сводил с нее глаз. Послу Испании явно не нравилось это затянувшееся молчание. Он несколько изменил позу, чтобы не видеть устрашающей фигуры Генриха Восьмого.

– Я весьма тронута предложением его величества, за что выражаю ему свою благодарность, – наконец заговорила Елизавета. – Однако король Филипп должен понимать, что я разрываюсь между необходимостью выйти замуж и желанием сохранить свою девственность. Что же касается союза между нашими странами, на то есть очень веские и серьезные основания. Тем не менее я должна всесторонне обдумать предложение вашего государя и обсудить его с моими советниками. Я не исключаю, что Бог поможет мне прожить добродетельную, но безбрачную жизнь.

По всему было видно, что ее слова рассердили де Ферия, однако Елизавета не собиралась сдавать позиции. Если посол рассчитывал, что она тут же клонет на предложения короля Филиппа, посчитав их особой честью, он жестоко ошибся. Оказаться в одной постели с этой испанской рыбиной? Никогда!

– Если ваше величество не выйдет замуж и не произведет на свет наследника английского престола, французский король не преминет этим воспользоваться, чтобы сместить вас и сделать королевой Марию Стюарт, – без обиняков заявил де Фериа.

– Что за чушь! – взорвалась Елизавета. Она даже вскочила с трона и сейчас, как никогда, походила на своего августейшего отца. – Если королю Генриху необходимо получить запоминающийся урок, я охотно преподам его – пусть только сунется. А заодно проучу и его вечно хнычущую невестку. Я знаю: французы и шотландцы неумоимы в своих заговорах против Англии. Но с какой стати мне их бояться? Или вы забыли, как мы колошматили их при Азенкуре и Флоддене? Пусть испытают на себе английскую мощь. Вдобавок еще и опозорятся на весь христианский мир!

Задыхаясь от негодования, Елизавета снова села. Де Фериа был потрясен. Неужели все англичанки столь свирепы? Он подумал о своей раздражительной английской жене. Вдруг и с ней случится подобная метаморфоза? Нет, с ней не случится. Вероятно, он сейчас наблюдал отрицательные стороны незамужней жизни. Послу вдруг очень захотелось вернуться на родину.

– Мне нужно время, чтобы обдумать предложение короля Филиппа, – несколько успокоившись, повторила Елизавета. – Через несколько дней я выскажу вам свои соображения.

Она чувствовала, что у посла буквально дрожат ноги, обутые в изящные испанские кожаные башмаки.

Союз с Испанией требовал тщательного обдумывания. Однако Елизавета постоянно ловила себя на том, что размышляет не о предложении короля Филиппа, а о Роберте Дадли. Сидя в общей приемной, в присутствии множества придворных, она и там ухитрялась постоянно бросать взгляды в сторону Роберта. Стоило его увидеть, и начинало биться сердце. Елизавета раздражалась, когда Роберт не сопровождал ее или не искал ее общества. Иногда он ненадолго отпрашивался, чтобы навестить жену. Елизавету захлестывала непонятная ревность. Бывало, она даже придумывала причину, только бы удержать Роберта при дворе.

Елизавета стала постоянно приглашать его в свою личную приемную под предлогом обсуждения государственных и иных дел. Иногда она следовала его советам. Сесилу это не нравилось. Он ненавидел Дадли и считал Роберта выскочкой. Этот малый был всего лишь королевским шталмейстером. Отнюдь не та должность, чтобы спрашивать его совета в государственных делах.

– Он сын и внук изменников, – предостерегал Елизавету Сесил. – К тому же он очень честолюбив. Помните мое слово, ваше величество: он еще доставит вам хлопот!

– Что я слышу? – поморщилась Елизавета. – Думаешь, я развешиваю уши на каждое его слово? Прежде чем составить собственное, я выслушиваю множество других мнений. И не только от советников. Тебе ли жаловаться, Уильям? Ты бываешь у меня каждый вечер, и я всегда внимательно прислушиваюсь к твоим словам.

Сесил сокрушенно вздохнул:

– Ваше величество, между мною и Дадли все же есть некоторое различие. Я вхожу в число ваших советников, а лорд Роберт – нет. Мои советы имеют целью ваше благо и благо всей страны. Советы же Роберта Дадли направлены исключительно на благо его самого.

– Черт тебя побери, Уильям! Позволь мне думать собственной головой! – не выдержала Елизавета. – Ты недолюбливаешь Роберта, и это искажает твое мнение обо всем, что он говорит и предлагает. Уверяю тебя, он со всей страстью относится к своим обязанностям.

– И не только к ним, – вырвалось у Сесила.

– Не хочу знать, о чем таком ты говоришь, – отрезала Елизавета.

Это была отговорка. Из слов Сесила она поняла: другие уверены, что Роберт ее желает. От этой мысли у нее затрепетало сердце.

На следующей аудиенции де Фериа держался скованно. Елизавета предпочла этого не заметить.

– Брак, предлагаемый мне вашим государем, имеет свои сложности, – без прелюдий начала она. – Король Филипп был мужем моей сестры. А это переводит мой брак с ним в опасную плоскость кровного родства.

– Его величество рассчитывает с помощью его святейшества папы римского разрешить все щекотливые аспекты будущего брака, – не моргнув глазом ответил де Фериа.

Только еще не хватало, чтобы папа римский совал нос в английские дела! Парламент уже готовил закон об учреждении Англиканской церкви, главой которой станет не римский понтифик, а она, английская королева. Никогда более ее страна не преклонит колени перед Римом. Однако сейчас нужно вести себя дипломатично. Кто знает, сколько католических стран Европы ополчится против Англии?

– Любезный граф, вы забываете, что в Англии подобные союзы запрещены. Мой отец, да будет благословенна его память, расторг брак с Екатериной Арагонской, поскольку прежде она являлась женой его брата. Наша Англиканская церковь посчитала такой союз незаконным и кровосмесительным. Так что мой брак с королем Филиппом вызвал бы здесь немало ожесточенных споров. Да и я никогда бы не приняла папское постановление, противоречащее слову Божьему. Как видите, брак с мужем моей покойной сестры явился бы оскорблением памяти моего отца.

Судя по выражению лица де Фериа, он этого не видел.

– Однако еще не все потеряно, – уже мягче продолжала Елизавета. – Обещаю вам, что вскоре вынесу этот вопрос на обсуждение парламента. Я бы просила вас заверить короля Филиппа в том, что, если я когда-либо решу выйти замуж, я предпочту его всем остальным претендентам.

Перед ее мысленным взором всплыло лицо Роберта Дадли. Елизавета тут же прогнала эту картину. Такое просто невозможно.

Как она и ожидала, парламент в штыки воспринял перспективу ее замужества с испанским королем.

– Неужели ваше величество всерьез думает о браке с Филиппом?

– Брак с ним свел вашу сестру в могилу!

– Ваше величество, брак королевы Марии с Филиппом спровоцировал бунт, который едва не стоил ей короны. Вы не застрахованы от повторения тех событий.

Сесил, как всегда, был прав.

Елизавета поспешила успокоить встревоженных парламентариев.

– Я ни в коем случае не поступлюсь интересами Англии, – заверила королева. – Мои отец и мать были англичанами, и, в отличие от моей покойной сестры, во мне нет испанской крови. Но думаю, вы согласитесь, что было бы политически неразумно отталкивать короля Филиппа. Перед лицом французской угрозы нам необходим союз с Испанией и дружественные отношения с испанским королем. Не будем лишать графа де Фериа надежды на положительный ответ.

На воскресной заутрене в придворной церкви королеву насторожил понурый вид Роберта. Он только что вернулся из очередной краткосрочной поездки к жене. На обратной дороге Елизавета решила заговорить с ним:

– Чем опечалена твоя душа, Робин? Сегодня ты даже не вслушивался в слова проповеди. На тебя это непохоже.

– Ничего особенного, ваше величество. Обыкновенные пустяки, – памятуя о чужих ушах, ответил Роберт.

– Не верю. Пустяки не делают лицо человека печальным и не заставляют хмуриться.

– Поверьте, ваше величество, это действительно пустяки, – уже с оттенком раздражения повторил Роберт.

Голова Елизаветы, как всегда, была высоко поднята, но от благостного состояния не осталось и следа.

«Наверное, я ему просто не нужна», – с горечью думала она.

Жена все-таки сумела завлечь его своими чарами. Елизавета часто думала об отношениях между Робертом и его женой. Лорд Дадли почти безотлучно находился при дворе. Она убедила себя, что Эми значила для него не больше, чем любимая лошадь. А вдруг она ошибалась? Что, если Эми – честолюбивая, расчетливая особа и понимает, как важно ее мужу постоянно находиться на глазах у королевы? Почести, награды, положение при дворе – ради всего этого Эми Робсарт готова жить в разлуке, довольствуясь редкими визитами мужа. Конечно, не приведи господь, но вдруг Роберт любит свою жену?

Желая отвлечься, Елизавета взяла книгу. Она старалась каждый день выкраивать три часа на чтение исторических книг. Читать она любила всегда. Но сегодня слова Геродота плясали у нее перед глазами. Елизавета читала, не понимая смысла. Так недолго и мигрень заработать.

Она никак не могла успокоиться. Уныние несвойственно Роберту. Если он пребывает в таком состоянии, случилось что-то серьезное, и необходимо узнать, что именно. Елизавета отложила книгу, позвала Кэт и велела своей камер-фрау сопроводить ее в покои лорда Роберта. Надо было видеть, как он обрадовался ее приходу!

– Бесс! – воскликнул просиявший Роберт. – Для меня это такая честь.

– Будет тебе! – отмахнулась Елизавета. – Я пришла узнать правду. У тебя что-то случилось. Кэт, обожди в коридоре, пока я поговорю с лордом Робертом. – И она захлопнула дверь перед самым носом рассерженной камер-фрау.

Комнаты, в которых жили придворные, всегда были тесными, и хотя покои, отведенные Роберту, считались одними из лучших, теснота ощущалась и здесь. Мебель и прочее имущество королевского шталмейстера занимали почти все пространство, оставляя лишь узкий проход. Но Елизавете очень понравился старинный дубовый стул, на который она и села, убрав оттуда раскрытую книгу.

– Смотрю, ты Кальвина читаешь. «Наставление в христианской вере».

– Там говорится о достижении спасения и оправдании тех, то умер за веру, – пояснил Роберт.

– Я читала его трактат. Должна сказать, что не согласна с Кальвином по всем пунктам.

– Я тоже расхожусь с ним во мнениях, но Кальвин дает обильную пищу для споров.

Оба замолчали.

– А теперь выкладывай, чту у тебя случилось, – потребовала Елизавета.

– Боюсь, моя жена серьезно больна, – чуть помешкав, признался Роберт. – Я не хотел отягощать тебя своими личными заботами. У тебя хватает собственных, более важных.

– Роберт, ты мой давний, верный друг. Если что-то заботит тебя, это заботит и меня. Чем больна твоя жена?

– Грудной недуг, – ответил он. – Опухоль. Поначалу жена не обращала внимания. Думала, рассосется. Но опухоль становилась все больше, и теперь... Зрелище удручающее. Что еще хуже, начались боли. Она сильно похудела и очень боится, как бы ее болезнь не оказалась смертельной. Она постоянно плачет. Я не знаю, чем ее утешить.

Елизавета знала двух женщин, страдавших таким же недугом. Обе умерли. Может, и Эми Дадли в скором времени умрет?

«Боже, прости меня, – мысленно прошептала Елизавета, шокированная столь немилосердным внутренним ответом на слова Роберта. – Негоже мне радоваться болезни соперницы».

Соперницы? Елизавета удивилась собственной дерзости и мысленно себя отчитала. Как такие мысли вообще могли появиться в ее голове?

– Твоя жена показывалась врачам? – спросила она.

– Я уговаривал ее. Умолял. Отказывается.

– Тогда я пошлю к ней доктора Хейка.

– Бесс, она не согласится на осмотр. Пойми, она очень боится услышать врачебный вердикт. А если у нее действительно то, чего мы оба так страшимся, ей не помогут никакие лекарства.

Сказав это, Роберт закрыл лицо руками.

– Я искренне сочувствую вам обоим.

С этими словами Елизавета осторожно коснулась его плеча. Эффект от ее дружеского жеста был удивительным. Роберт поднял голову. Их глаза встретились. Еще через мгновение он держал Елизавету в объятиях и целовал ее с такой голодной страстностью, будто собирался проглотить. Давно уже ни один мужчина не целовал ее так. Лет десять, если не больше. Все внутри Елизаветы пришло в необыкновенное возбуждение. Это было что-то, чему она не находила слов. Казалось, вот причина, по которой она родилась на свет. Хотелось, чтобы это мгновение продолжалось, растянувшись навечно... Потом откликнулось и ее тело, что было вполне естественно. Испугавшись, Елизавета отпрянула.

– Прости меня, Бесс, – прошептал изумленный Роберт. – Я повел себя слишком вольно. Но ты была настолько добра ко мне, а я настолько потерял, что забылся...

– Тебе не за что просить прощения, – возразила Елизавета, недовольная противоречием между собственными разумом и телом.

Глаза Роберта не отпускали ее, а руки по-прежнему обнимали.

– Я тебя так давно люблю, – прошептал он. – С того самого дня, когда увидел в Тауэре. Мы тогда оба были узниками. Но я не имею права на эту любовь. Ты королева, а я вдобавок еще и женат.

– Одно препятствие вполне преодолимо, если я того пожелаю. Второе, увы, нет.

Елизавету пугало вероломное чувство облегчения, которое она испытывала сейчас.

– Я не люблю Эми, – признался Роберт.

– Зачем же ты тогда женился на ней?

– Тогда я ее любил. В те дни она была совсем другой: молодой, горячей, веселой. Но те времена давно прошли. Эми не смогла и не захотела стать настоящей женой придворного. Ее тяготила лондонская суета, а я не выносил норфолкской глуши. Мы оказались из разных миров. Но все равно я отвечаю за нее, готов заботиться о ней и не хочу усугублять ее страдания.

– Однако все это не помешало тебе меня поцеловать, – заметила Елизавета.

Ее сердце ликовало, а тело испуганно сжималось при мысли о более тесной близости.

– Я люблю тебя, – повторил Роберт. – Я был бы счастлив стать тебе больше чем другом, но даже произносить подобные слова я не вправе, поскольку несвободен.

– Несвободен, чтобы сделать мне предложение? Ты это имел в виду? А ты слышал мои слова? Робин, я не хочу выходить замуж, так что успокойся.

– Эти слова, Бесс, я слышал, и не раз. Ты не хочешь выходить замуж. А любить ты хочешь?

Елизавета слегка оторопела:

– Все зависит от того, какой смысл ты вкладываешь в слово «любовь».

Роберт улыбнулся:

– Ты – королева. Я не могу ухаживать за тобой как за любовницей, ибо это даст обильную пищу для пересудов. А тебе нужно оберегать свою репутацию.

Умом Елизавета с ним соглашалась. Но одновременно в ней поднималось извращенное желание: ей хотелось, чтобы Роберт открыто волочился за ней, как за какой-нибудь фрейлиной.

– Тысячи глаз следят за каждым моим шагом, – возразила она. – Я редко остаюсь одна. Любой двор изобилует сплетнями. Но сплетни как репейник. Пристанет, потом отваливается.

– Сейчас мы с тобой наедине. Одному Богу известно, какие мысли бродят в голове Кэт, пока она томится за дверью. Ты понимала, что королеве не пристало одной входить в покои придворного?

– Я пришла на правах старого друга, дабы тебя утешить. А попытайся ты меня изнасиловать, Кэт сразу бы слышала мои крики.

– Помнится, я уже пытался это сделать, но тогда ты и не подумала звать на помощь, – лукаво улыбнулся Роберт.

– Потому что мне было приятно, – легкомысленно произнесла Елизавета, подавляя внутреннюю бурю. – Робин, если я решу одарить тебя королевской милостью, никто не посмеет мне возразить.

– Означает ли это, что я могу считать тебя своей избранницей?

Глаза Роберта были полны надежд.

– Робин, ты не должен говорить мне такие вещи, – прошептала Елизавета и тут же, противореча собственным словам, снова позволила себя обнять.

Нет, она никому ничего не обещала. Роберт – не исключение. Есть границы, которые она ни за что не переступит.

Вторым к Елизавете посватался эрцгерцог Фердинанд, младший сын императора Священной Римской империи.

– Ваше величество, это была бы очень выгодная партия. – В голосе Сесила явственно слышалась надежда. – Пусть император и католик, но он едва ли не самый могущественный европейский правитель. Его поддержка намного укрепила бы безопасность Англии. И в первую очередь перед французской угрозой.

– Франция и Священная Римская империя – заклятые враги и таковыми останутся, – с улыбкой подхватил Бэкон.

– Это предложение заслуживает внимательного рассмотрения, – вторил им герцог Сассекский.

В их словах была несомненная правда. Отец эрцгерцога правил Германией, Австрией, Венгрией, Богемией и еще какими-то более мелкими государствами. Он был дядей и союзником короля Филиппа.

– Думаете, мои подданные одобряют мое замужество с католиком? Не за горами заседание парламента, после которого государственной религией Англии станет протестантизм. Все знают, как тяжело гасить религиозные распри. Вряд ли эрцгерцог ради брака со мной согласится изменить свою веру.

– Император ни за что ему этого не позволил бы! – воскликнул Бэкон.

– Похоже, его посол считает, что Фердинанд смог бы направлять ваше величество в религиозных вопросах, – сухо пояснил Сесил.

– Пусть лучше считает ворон в окрестностях Лондона! – запальчиво бросила им Елизавета.

– Если с эрцгерцогом еще возможен какой-то компромисс по части религии, то король Филипп ни на какие компромиссы не пойдет, – невозмутимо продолжал Сесил. – Вы прекрасно понимаете, ваше величество, что новые религиозные уложения сделают совершенно невозможным ваш брак с королем Филиппом. И строить мину, будто вы всерьез рассматриваете его предложение, вы тоже больше не сможете. А услышав, что вы порвали с Римом, Филипп и сам оставит эту затею. В Европе не найти более ревностного защитника католичества, чем он.

– Но нам необходим союз с Испанией и дружественное расположение Филиппа, – вздохнула Елизавета. – Прежде чем рассматривать новое предложение, я еще раз повидаясь с де Фериа.

Глаза испанского посла лучились надеждой. Он радовался: наконец-то эта противоречивая и не всегда сдержанная королева взялась за ум.

– Увы, мой любезный граф, – сказала Елизавета, разбивая его надежду. – Должна вам заявить, что я никак не могу выйти замуж за его величество, поскольку в его глазах я еретичка.

– Ваше величество, не делайте поспешных выводов, – заворковал де Фериа, пытаясь ее успокоить. – Уверяю вас, ни мой государь, ни я никогда не считали вас еретичкой. Мы решительно не верим, что вы одобрите и подпишете законы, которые нынче обсуждают в парламенте.

Глаза Елизаветы тоже вспыхнули, но совсем другим огнем.

– Граф де Фериа, я убежденная протестантка и никогда не предаю свои религиозные воззрения.

Испанец изменился в лице.

– В таком случае, ваше величество, боюсь, вам придется столкнуться с трудностями, – надменным тоном произнес посол. – Мой государь не поменяет своей веры, даже если бы ему пообещали власть над всем миром.

– И уж конечно, он не сделает этого ради женщины! – язвительно ответила Елизавета, давая понять де Фериа, что аудиенция окончена.

Теперь Елизавету ежедневно видели в обществе Роберта. И не только во время прогулок верхом, когда обязанности королевского шталмейстера требовали от него сопровождать королеву. В другие часы лорд Дадли находился рядом с Елизаветой, поскольку она так хотела. Она открыто цитировала его мнения по политическим и религиозным вопросам, заставляя Сесила буквально кипеть от гнева. Государственный секретарь поклялся себе: пока у него есть хоть какая-то власть, он не допустит «лошадника» к государственной политике. Но внутренние клятвы Сесила не меняли положения дел. Дадли, не имевший политического статуса, вмешивался в политику лишь потому, что королева прислушивается к его словам. А Елизавете нравилось постоянно держать Роберта при себе. Она привыкла засиживаться допоздна, решая государственные дела. Не было случая, чтобы она подняла с постели кого-либо из ее советников, чтобы выслушать его мнение. Зато без колебаний звала в свои внутренние покои Роберта.

Фрейлинам и караульным она приказывала удалиться, а сама облачалась в простое черное платье, которое любила надевать, когда ей не требовалось показываться на публике. Они с Робертом оставались наедине. Через какое-то время государственные дела уступали место делам сердечным. Влюбленные целовались, обнимались, ласкались... но дальше Елизавета не заходила. Она смертельно боялась забеременеть, потому что знала: у нее не хватит сил снова пройти через этот ад.

Роберт занимал все мысли и чувства королевы, причем в возрастающей степени, однако ей удавалось держать часть рассудка незамутненным. Елизавета сознавала всю шаткость своего положения. Достаточно крупного скандала, и ее свергнут. Ведь врагов легион. Невзирая на внушительную охрану и лейб-гвардию, прямой задачей которой была охрана королевы, Елизавета жила в страхе погибнуть от кинжала подосланного убийцы или бокала с отравленным вином. Она не должна давать ни малейшего повода для упреков. Репутация королевы – ее оружие и козыри в политической игре. И потому страстные поцелуи и объятия – это все, что Елизавета могла позволить в отношениях с Робертом. Они оба задыхались от желания. Роберт просто жаждал большего.

– Бесс, говорят, ты бываешь в покоях лорда Роберта днем и вечером, – сердито выговаривала ей Кэт. – По дворцу всюду слухи ползут.

– Тебе ли удивляться слухам? – усмехнулась Елизавета. – Я ходила к нему всего один раз, вместе с тобой. И не делала ничего предосудительного.

– А слухи утверждают другое, – упрямо твердила Кэт. – Лорд Роберт – женатый человек. Поговаривают, будто ты ждешь, когда его жена умрет, чтобы выйти за него.

– Да как они смеют? – закричала Елизавета. – Я вообще не хочу выходить замуж. Ни за кого. Я говорила это тысячи раз. Почему никто мне не верит?

– Потому что они считают это твоей девичьей скромностью.

– Тогда пусть определятся, кто я: скромная девица или шлюха лорда Роберта!

– Бесс! – Кэт в отчаянии воздела руки к небесам. – Я не вправе тебя судить. Если я что и говорю, то исключительно ради твоего блага. Вспомни прошлое.

– Разве такое забудешь? – огрызнулась Елизавета. – Довольно, Кэт! Ступай. Мне еще с бумагами разбираться.

Она прочла письмо Филиппа. Письмо было составлено в дружественном тоне, но за учтивыми фразами просматривалась знакомая жесткость испанского короля. Он сожалел, что они так и не смогли найти точки соприкосновения, однако выражал надежду на сохранение дружеских отношений и союз двух стран.

А дальше, что называется, с места в карьер, король Филипп сообщал о своей грядущей женитьбе на дочери французского короля. Де Ферия, вручивший королеве письмо, боялся, что новость приведет Елизавету в бешенство. Так оно и произошло.

– Значит, союз с Францией, нашим общим врагом? Как он смел! Он же вел переговоры о женитьбе на мне!

– Но ваше величество сами его отвергли.

Елизавета была так сердита, что не особо заботилась о логичности произносимых слов:

– Прежде чем сделать мне предложение, ваш король заставил меня ждать. Он даже не удосужился дать мне больше времени на раздумья. Вы считали, что он меня любит. Я тоже так думала. Получается, мы оба ошибались!

– Любит?

Де Ферия не помнил, чтобы во время аудиенций у Елизаветы хотя бы раз произнес это слово. Испанский король был высокого мнения о ее образовании, ценил ее смелость и непосредственность. Но какое отношение имеет любовь к бракам между особами королевской крови? Елизавета сейчас либо смеялась над послом, либо пыталась спасти лицо. Почему-то он был уверен в первом.

– Мой государь убедился, что ваше величество не желает принимать его предложение, – сказал де Ферия. – Но как и прежде, готов быть вам добрым братом и оказать любую помощь в устройстве вашего брака.

– Это вы, граф, неверно передали ему мои слова! – продолжала бушевать Елизавета.

Во время прошлой аудиенции она была слишком резка с испанским послом и теперь жалела об этом. Ей хотелось и дальше кормить Филиппа надеждами. Во всем виновата не она, а де Ферия. Он поймал ее на слове, и вот результат: Филипп входит в союз с Францией... Буквально сразу де Ферия был отозван в Испанию. Елизавета облегченно вздохнула. Новым испанским послом стал епископ де Квадра. На всякий случай Елизавета приказала своим министрам готовить почву для переговоров о мире с Францией.

Елизавета весело флиртовала с Робертом в своей приемной, когда доложили о прибытии епископа де Квадры. Казалось, королева не слышала доклада. Роберт, склонившись к ней, нашептывал на ухо что-то весьма дерзкое и откровенное, а Елизавета игриво ударяла его веером. В это время вошел епископ. Лицо Елизаветы покраснело. Она повернулась к новому послу. Тот всем своим видом выражал крайнее неодобрение подобных шалостей. Де Квадра

был грузным мужчиной средних лет, весьма хорошо образованным и воспитанным. Черты лица испанца говорили о его хитрости и коварстве... конечно, если Елизавета умела правильно судить о лицах. Во всяком случае, ее суждения подкреплялись слухами, успевшими достичь Уайтхолла. Де Квадра привел с собой смуглолицего, довольно элегантного мужчину, которого представил как барона фон Брейнера, посланника императора Священной Римской империи. То, что Роберт не покинул приемную, а остался стоять вблизи трона, несколько смутило посланников. Но барон, не забывая об учтивости, поклонился и подал Елизавете письмо императора.

На ее лице не дрогнул ни один мускул. В письме его императорское величество выражал свои глубокие сожаления, что по ряду причин более не может предлагать Фердинанда в качестве претендента на ее руку. Вместо него император предлагал младшего сына – эрцгерцога Карла.

Новость не была для Елизаветы неожиданностью. Благодаря разветвленной сети осведомителей Сесила она знала причину этой замены. Оказалось, что Фердинанд тайно женился, причем весьма неудачно. Император сам недавно узнал об этом. Часть советников Елизаветы считали Карла Габсбургского более сговорчивым человеком: если она примет предложение, он был готов перейти в протестантизм.

– Я благодарю его императорское величество за то, что счел меня достойной руки другого своего сына, – заявила Елизавета. – Хотя мои подданные постоянно убеждают меня в необходимости выйти замуж, мое сердце не расположено к браку. Я не хочу связывать себя брачными узами ни с одним мужчиной.

Она мельком взглянула на непроницаемое лицо Роберта Дадли (он умел придавать своему лицу такое выражение), и в памяти вдруг всплыло другое лицо, почти такое же смуглое и обаятельное, как у барона. Только того лица давно уже нет. Съедено червями вместе с остальными частями тела. За десять лет они успели пожрать все, что когда-то называлось...

Прогнав жуткое воспоминание, Елизавета улыбнулась:

– Но я могу и изменить свое воззрение на брак. Ведь я всего лишь человек и к тому же женщина.

– Эрцгерцог говорил о возможности покинуть лоно Католической церкви, – улыбнулся епископ.

Улыбка была напряженной. Он только что убедился: слухи не врут. Эта королева-еретичка и впрямь похотливая шлюха.

– Ах, господин посол, я скорее уйду в монастырь, чем отправлюсь под венец. Так что эрцгерцогу не стоит особо торопиться, – игриво произнесла Елизавета.

Судя по скептическому выражению лица де Квадры, епископ безуспешно пытался представить Елизавету в монашеской одежде. А вот бедняга Брейнер был явно озадачен. Он привез ей предложение от человека, который (по крайней мере, в глазах католического мира) по своим достоинствам и благочестивому поведению стоял намного выше побочной дочки Генриха Восьмого. Еретички, беззастенчиво захватившей английский престол. Императорского посланника очень удивляло, почему Елизавета не ответила на предложение троекратным «да» и не выразила горячего желания поскорее увидеть потенциального жениха. Елизавета решила добить австрийца.

– Я слышала, что у эрцгерцога Карла чрезмерно большая голова. Меня это... настораживает.

Брейнера аж скорчило.

– Не знаю, кто посмел говорить вашему величеству такой вздор, – вмешался де Квадра. – Внешний облик эрцгерцога Карла наилучшим образом отражает его достоинства. О таком муже можно только мечтать. Его портрет уже отправлен из Вены и скоро должен прибыть в Лондон.

– С некоторых пор, господин посол, я не доверяю портретистам. Мой отец, увидев портрет Анны Клевской кисти Гольбейна, очаровался ею настолько, что даже женился. Остальное вы знаете, – усмехнулась Елизавета.

– Художники, конечно, не боги и не всегда могут точно передать черты тех, кого они пишут. Однако портрет эрцгерцога Карла весьма достоверен. Барон это может подтвердить.

Елизавета понимала: ей нужно выиграть время. Пока император надеется увидеть ее своей невесткой, он не станет проявлять враждебность к протестантской Англии.

– Боюсь, господа, что даже самый совершенный портрет меня не убедит. Ведь жить мне не с портретом, а с тем, кто на нем изображен. Всерьез задуматься о браке я могу только в том случае, если воочию увижу претендента на мою руку и побеседую с ним на разные темы. А не мог ли эрцгерцог Карл приехать в Англию? Может, император согласится на его приезд?

– Ваше величество, – нахмурился де Квадра, – если бы у вас возникли чувства к эрцгерцогу Карлу, император охотно послал бы его в Англию. Но император ни за что не отправит Карла ради вашей, так сказать, оценки. Какому отцу захочется, чтобы его сына публично отвергли и тем самым унизили?

– Ваше величество высказали весьма необычную просьбу, – осторожно возразил Брейнер.

Елизавета и без них знала, что поставила обоих в тупик. Ей нравилось создавать трудности. Это позволит растянуть переговоры и кое-что скажет императору о ее характере. Возможно, его надежды увидеть Елизавету в невестках только возрастут.

– Эрцгерцог Карл мог бы приехать инкогнито, – легкомысленно предложила Елизавета.

– Это противоречило бы традиции и ущемляло достоинство эрцгерцога, – фыркнул де Квадра.

– Ваше величество, я достаточно хорошо знаю характер эрцгерцога Карла. – Было заметно, что Брейнер устал от бессмысленного разговора. – Он согласится приехать в Лондон не раньше, чем будет подписан брачный контракт.

– В таком случае я должна серьезно все обдумать.

На этом обещании утомительная аудиенция кончилась.

В тот же день Елизавета созвала заседание Тайного совета:

– Добрые лорды, я готова внять вашему совету и выйти замуж, но только при одном условии. Прежде чем принимать предложение того или иного кандидата, я должна вживую познакомиться с тем, кого мне прочат в мужья.

Такая стратегия позволит ей тянуть время до бесконечности. Подумав об этом, Елизавета мысленно похвалила себя за сообразительность.

– Значит, ваше величество всерьез рассматривает кандидатуру эрцгерцога Карла? – спросил обрадованный Сесил.

– Нет, Уильям. Я всерьез рассматриваю условия своего вступления в брак. Сейчас я вообще не намерена идти под венец. Однако Бог, которому все подвластно, в будущем может заставить меня передумать. Чтобы не обижать императора, я сама ему напишу и объясню ситуацию. Что же касается барона Брейнера, я буду и дальше туманить ему голову и кормить надеждами.

Вскоре ко двору прибыл шведский посланник с предложением от своего господина, принца Эрика. Мужское внимание всегда поднимало настроение Елизаветы; даже если это внимание выражалось косвенно, через дипломатические церемонии. Королеве льстило, что ее персоной заинтересовались в европейских странах. Это тоже был флирт, только иного рода. Елизавета искренне веселилась. Ей нравилась сама интрига, но еще больше нравилось, что шведский посланник приехал не с пустыми руками. Он привез подарки от Эрика, всерьез заинтересовавшегося женитьбой на Елизавете: великолепные шпалеры, горностаевую пелерину и...

портрет принца. У Елизаветы вытянулось лицо. Обвисшие губы! Тонкие паучьи ноги! Однако вслух она восторгалась портретом, зная, что поблизости находится Брейнер.

Хотя при всех своих телесных изъянах Эрик показал себя внимательным женихом. В отличие от короля Филиппа и эрцгерцога Карла, он присылал ей страстные любовные послания. Если Брейнер был в пределах слышимости, Елизавета обязательно читала очередное письмо вслух. Ей доставляло истинное удовольствие дразнить этого смуглого австрийца. Придворные посмеивались, довольные разыгрываемым спектаклем. Шведский посланник чувствовал себя неуютно. Его не покидало ощущение, что он выставляет на посмешище себя и своего господина.

На заседаниях Тайного совета Елизавета начисто забывала про игривость.

– Если я соглашусь выйти за принца Эрика, он должен будет покинуть свою страну, – настаивала она. – Я из Англии не уеду ни за какие сокровища.

– Ваше величество, не забывайте, что принц Эрик – прямой наследник своего отца. Пролжатель династии.

– В таком случае вычеркивайте его из списка претендентов. Когда король Филипп женился на моей сестре, он тоже был прямым наследником своего отца. Он спал и видел, как вернется в Испанию. Повторений нам не надо.

– Мудрое решение, ваше величество. Но еще не все потеряно. Сегодня к нам прибыли посланники от герцога Саксонского и герцога Гольштинского. Оба герцога просят руки вашего величества.

– Мы обдумаем эти предложения, но не сейчас, – парировала Елизавета, затеявшая новую кампанию проволочек.

Галерея претендентов на руку Елизаветы пополнилась двумя соперничающими придворными. Видимо, они посчитали, что Елизавете стоит поискать себе мужа в родных краях. Такой поворот удивил и позабавил королеву. Она едва сдерживала смех, когда к ней явился свататься герцог Арандельский – обрюзгший, неуклюжий и лишенный всяческого обаяния мужчина, которого королева всегда считала довольно глупым. Старше ее лет на двадцать, вдовец, имеющий взрослых дочерей, он испросил аудиенции и вел себя как пылкий юноша. Его провинциальный выговор и манера выражаться просто резали слух.

– Госпожа моя, вот что я вам скажу. Тяжело вам одной. Нужен вам крепкий помощник, – начал герцог. – Ну что вы тратите время на разных иноземных вертихвостов? Чума на них на всех. Нет, ваше величество, брачное ложе с вами должен делить настоящий, крепкий англичанин.

При словах о брачном ложе Елизавета даже вздрогнула, мысленно представив себя в одной постели с этим боровом. Дальнейший ход разговора ей был понятен.

– Да, моя госпожа, не в моих правилах плести словесные кружева. Если вы выйдете за меня, то очень правильно поступите. Мой род ведет начало от времен норманнского завоевания. Я богат и готов передать все свои богатства в распоряжение вашего величества. А еще я предлагаю вам прекрасный дворец, где временами можно недурно отдохнуть от здешней толкотни и болтовни. Я же точно знаю, что вы любите Нонсач.

Он что, предлагает ей Нонсач? Дворец, построенный ее отцом, который она сама сдала герцогу Арандельскому внаем? Главное – не подавать виду и поскорее спровадить «женишка».

– Любезный лорд, благодарю тебя за твое предложение. Я обязательно подумаю о нем. А сейчас прошу меня простить. Мне надо заниматься государственными делами.

Скрывая за веером улыбку, Елизавета отпустила герцога Арандельского.

Вторым придворным, решившим добиваться ее руки, был высокий, гибкий, галантный и обаятельный сэр Уильям Пикеринг. Он верно служил Елизавете во времена правления Марии, пока обстоятельства не заставили его отправиться в изгнание. По его возвращении Елизавета

часами беседовала со своим старым добрым другом, узнавая от него новости и наслаждаясь непринужденной беседой с интересным собеседником. Даже подумывала, не пококетничать ли с ним немного. В благодарность за преданность и тяготы, перенесенные им из-за знакомства с ней, Елизавета поселила Пикеринга во дворец. Вскоре до нее начали доходить слухи, что Пикеринга считают чуть ли не самым вероятным претендентом на ее руку. Перед ним лебезили не только придворные, но и советники. Сам Пикеринг жил надеждами, что злило ревнивого Роберта. Судя по мрачным взглядам, бросаемым им в сторону соперника, лорд Дадли был бы не прочь казнить Пикеринга самым жестоким способом.

Уильям Пикеринг не мог похвастаться особо знатным происхождением, зато никогда не был женат. Умелый дипломат, пользующийся уважением не только при английском дворе, Пикеринг очень любил книги и собрал прекрасную библиотеку, вызывавшую тайную зависть Елизаветы. Но всего этого было явно недостаточно, чтобы выйти за него замуж. Забавляло, как он, видимо под влиянием сплетен, манерничает и, рискуя остаться без гроша, появляется при дворе в сногшибательно дорогих нарядах. Более того, Пикеринг еще закатывал и роскошные пиры, на которых вел себя как особа королевской крови. Ему отчаянно хотелось подняться на вершину власти. По словам придворных, в Лондоне были всерьез уверены, что Пикеринг вскоре станет королем. Люди даже бились об заклад.

Видя успех Пикеринга, герцог Арандельский тоже принарядился и расхаживал по дворцу в дорогих одеждах. Правильнее сказать, переваливался с боку на бок, как утка. Он дарил фрейлинам Елизаветы дорогие украшения, прося взамен, чтобы они расхваливали его перед королевой. Герцог не упускал случая унижить или очернить Пикеринга, особенно налегая на его незнатное происхождение. Даже вызвал дипломата на дуэль. Правда, Пикеринг драться с ним отказался, заявив, что герцог гораздо слабее его. Это было равнозначно пощечине. Придворные буквально держались за бока, следя за зигзагами соперничества.

Не смеялся один лишь Роберт Дадли.

– Как ты можешь поощрять этих шутов? – с упреком спросил он Елизавету.

– Они меня забавляют, – ответила она, решив немного его подразнить.

– Хочешь сказать, они тешат твоё тщеславие, поскольку ты не принимаешь всерьез ни одного, ни другого?

– По крайней мере, им ничто не мешает свататься ко мне, – с невинным видом добавила Елизавета, засовывая в рот леденец.

– Ты говорила, что вообще не собираешься замуж и тебе все равно, женат я или нет.

– Но я ведь могу и передумать. Женское непостоянство, – весело засмеялась королева. – Бедный мой Робин. Это жестоко по отношению к тебе. Прости меня великодушно. И не смотри так свирепо. Ты ведь даже не знаешь, что я приготовила тебе сюрприз. Идем, покажу.

Отправив в рот еще один леденец, Елизавета вывела его в коридорчик и толкнула дверь. Роберт очутился в великолепных покоях, которые она обставила специально для него. Увидев позолоченные карнизы, изысканные шпалеры и дорогую мебель, Роберт оторопел. Он даже открыл рот. Любой принц мог о подобном только мечтать. Но самым удивительным в этих покоях была дверь, ведущая прямо в спальню Елизаветы.

Роберт утратил дар речи. В мозгу лихорадочно проносились мысли.

– Означает ли это осуществление моих надежд? – хриплым, срывающимся голосом спросил он.

– Это ничего не означает. – Елизавета шаловливо похлопала его веером по плечу. – Просто мне было невыносимо видеть, как мой чудесный Робин ютится в жалких комнатенках.

– И ночью ты оставишь для своего Робина дверь незапертой? – осмелился спросить он, чувствуя нарастающее желание.

– С какой стати? – легкомысленным тоном поинтересовалась Елизавета.

Роберт наклонился, чтобы ее поцеловать, но она отстранилась.

– Такое великолепие, – пробормотал он. Роберт до сих пор не мог поверить, что эти роскошные покои отныне принадлежат ему. – Многие пошли бы по трупам, только бы снискать твою благосклонность. Как мне отблагодарить тебя?

– Я придумаю как! – с шаловливой улыбкой ответила Елизавета.

Лицо Сесила было мрачным.

– Ваше величество, я вновь вынужден просить вас: не проявляйте столь открыто вашу благосклонность к лорду Роберту. Он женатый человек, а желающих почесать языки предостаточно.

– Ну и пусть чешут. Я не делаю ничего такого, что бы порочило мою репутацию.

– А мне, ваше величество, так не кажется. Ваша репутация под угрозой. Мне претит пересказывать слухи, но поговаривают, что Дадли... еще раз простите меня... что он ваш любовник, что вы часто бываете в его покоях одна. Есть и более мерзкие сплетни.

– Все это злобная клевета! – раздраженно отмахнулась Елизавета. – Мне нравится общество лорда Роберта, только и всего. Королева вправе выбирать, с кем ей общаться.

– Ваше величество, испанский посол усматривает в лице лорда Роберта угрозу переговорам о вашем браке с эрцгерцогом Карлом.

– Уильям, я остаюсь наедине с собой, только когда ложусь спать. Везде и всюду меня сопровождают фрейлины. Я очень забочусь о сохранении своей чести. Что же до злобных клеветников... хотела бы я посмотреть, кто из них осмелится сказать мне это в лицо! Пообещай это каждому, кто начнет тебе рассказывать о моих так называемых похождениях. Тебе же я говорила и могу повторить: лорд Роберт – мой верный, надежный друг. Мне нравится его характер, его остроумие, его наблюдательность. Если он часто бывает рядом со мной, так к этому его обязывает должность королевского шталмейстера. Ты не посмеешь отрицать, что он очень ревностно относится к своим обязанностям. А его неистощимые выдумки в устройстве празднеств и турниров? Черт побери, Уильям, почему я должна отказываться от общения с таким разносторонне одаренным человеком?

– Если все это не выходит за рамки чисто дружеских отношений, тогда у вас, ваше величество, действительно нет причин. Но я еще раз настоятельно прошу вас быть осмотрительной, – стоял на своем Сесил.

– Уверяю тебя, Уильям: я дорожу своим добрым именем не меньше, чем душой. А насчет осмотрительности... позволь мне самой решать.

По ночам дверь в покои королевы оставалась крепко запертой. Но днем Елизавета находила время для флирта с Робертом и даже для поцелуев. Они вместе ездили верхом, иногда охотились, а по вечерам играли в шахматы, карты или кости.

– Ты постоянно выигрываешь, – жаловался Роберт.

– Но я же королева, – смеялась Елизавета. – Я и должна выигрывать. Но играю я честно.

Иногда они вели оживленные дебаты на философские и религиозные темы или танцевали в просторной личной приемной королевы. В моду недавно вошел итальянский танец вольта. Танцевать его на публике Елизавета не могла, поскольку движения танца требовали тесного соприкосновения с партнером. Несколько проповедников уже осудили танец и потребовали его запрета, поскольку усматривали в нем причину для скандалов и даже убийств. Но за закрытыми дверями, в присутствии лишь нескольких фрейлин и музыкантов, Елизавета наслаждалась новым танцем. Внутри просто все замирало, когда Роберт высоко поднимал ее. Одна его рука твердо лежала на планшете корсета, касаясь ее груди, другая – на спине. Спуск был не менее приятен, ибо Елизавета бедрами ощущала мускулистые бедра Роберта.

Она всегда жаждала его прикосновений, его внимания и восхищения.

– Тебе нравится, как я выгляжу в этом платье? – спросила однажды Елизавета.

Платье было из темно-зеленого бархата. Обилие пышных складок на подоле слегка полнило.

– Без него ты бы выглядела намного лучше, – дерзко ответил Роберт и тут же поморщился от королевской оплеухи.

– Не забывайся! Я спросила, нравится ли тебе, как я выгляжу в этом платье.

Елизавета была полна решимости получить ответ.

– Честно говоря, в других платьях ты выглядишь лучше.

– Мне тоже так показалось. Велю его перешить.

Месячные дела Елизавету вспылчивой, слезливой и неуверенной в себе. В эти дни она особенно нуждалась в поддержке Роберта.

– Я так отвратительно себя чувствую. И не менее отвратительно выгляжу.

– Бесс, для меня ты всегда красавица. – Роберт поцеловал ей руку.

Подобные слова действовали лучше любых успокоительных снадобий.

В день святого Георгия Елизавета посвятила Роберта в рыцари ордена Подвязки. Сердце королевы замирало, когда она представляла высокого и ладного лорда Дадли в его бархатном камзоле и плаще. Узкий круг избранных, куда входили герцог Норфолкский, а также герцоги Ратлендский и Нортгемптонский, опустили глаза в пол, чтобы не выдать своего откровенного презрения. Им было невыносимо смотреть на Дадли, застывшего в коленопреклоненной позе перед королевой. От него так и веяло самодовольством. Неужели нынче достаточно иметь привлекательную внешность и красиво сидеть в седле, чтобы королева сделала тебя членом этого почетнейшего ордена?

Елизавете не было дела до их возмущения. В дополнение к рыцарскому званию она подарила Роберту прекрасный особняк в саду Кью, а также наделила землями и деньгами. Роберта Дадли привыкли постоянно видеть рядом с королевой и теперь воспринимали не иначе как фаворита королевы. Все это давало обильную пищу для домыслов о возможном браке Елизаветы с Робертом. Придворные стали лебезить перед ним, искать его дружбы и покровительства; делали ему подношения, надеясь, что благосклонность фаворита королевы поможет сохранить и упрочить их привилегии. Роберт заметно повеселел. Он охотно принимал подарки и выслушивал льстивые слова.

– А ты становишься очень популярным, – заметила как-то Елизавета.

Их разговор происходил в парке Гринвичского дворца, по дороге на поле для игры в кегли.

– Если и становлюсь, то лишь потому, что таким меня сделала ты. Без тебя я бы сейчас был пустым местом.

– Ты очень много значишь для меня, Робин. Но будь осторожен. Я не потерплю, чтобы ты мною помыкал.

– Столь дерзкие мысли никогда не приходили мне в голову.

Елизавета почувствовала его раздражение и не ошиблась.

– Я безмерно благодарен тебе за все знаки внимания и щедрые подарки, – не выдержал Роберт, – но очень бы хотелось, чтобы ты оценила меня не только в роли королевского шталмейстера. Ты мне доверяешь. Ты постоянно спрашиваешь мое мнение. Что нравится далеко не всем. Если бы ты, допустим, ввела меня в состав Тайного совета, это бы сразу закрыло многие рты.

– Робин, неужели тебе недостаточно быть моим шталмейстером? Пойми, меня очень устраивает, что ты сейчас занимаешь именно эту должность. Твое влияние при дворе и так велико. Оно распространяется и на придворных, и на моих советников. Ты являешься моими глазами. Неутомимыми, все подмечающими. Ты находишься в лучшем положении, чем мно-

гие члены Тайного совета. Так будь же моими глазами и дальше, Робин. Моими прекрасными Глазами.

Роберт натянуто улыбнулся. Елизавета понимала: ему этого мало. Он хотел быть причастным к государственным делам. И не только в покоях королевы. Елизавета не могла объяснить, что прежде всего заботится о его благополучии. Родовая знать и так считала Роберта выскочкой, поднявшимся слишком высоко. Лучше не дразнить гусей и не продвигать его дальше. А свое расположение к нему она покажет иными способами.

В ту ночь Роберта разбудил слуга.

– Который час? – простонал он, силясь открыть глаза.

– Час ночи, сэр. Королева требует вас к себе.

Королева! Зачем он ей понадобился так поздно? Опять будет обсуждать с ним не дающие ей покоя государственные дела? И почему в час ночи? Или... она наконец-то позвала его, чтобы разделить с ним постель? Не смея этому верить, Роберт вскочил с кровати и торопливо оделся.

У дверей личных покоев королевы его встретила Кэт Эшли. На лице камер-фрау была всегдашняя маска недовольства. Она провела Роберта в небольшую комнату с дубовыми панелями. Елизавета сидела за столом, инкрустированным жемчужинами, и что-то писала. Войдя, Роберт церемонно поклонился, как того требовал придворный этикет.

– Робин, мои недремлющие Глаза! Похоже, я подняла тебя с постели. Прости великодушно. Ночью мне лучше думается. Вот я и решила посоветоваться с тобой по поводу брачных предложений, которые я недавно получила. Кэт, благодарю тебя за помощь. Ступай спать.

Кэт удалилась, сердито шурша подолом платья. Даже в легком скрипе закрываемой двери слышался упрек.

Роберт с Елизаветой переглянулись и прыснули со смеху.

– Не нравлюсь я ей.

– Кэт не понравилось бы даже явление Бога с небес, если бы Он вздумал меня навестить, – улыбнулась Елизавета. – Ее не переделаешь. Она как наседка. Продолжает считать меня своим цыпленком, нуждающимся в ее защите. А все мужчины видятся ей хищниками.

Говоря это, Елизавета подумала: «Кэт не так уж и не права».

– Надеюсь, ты объясняла ей, что мои намерения честны и порядочны.

– Конечно, и не раз. Но я ничего не сказала о своих собственных! – улыбнулась Елизавета.

– Прошу тебя, не говори загадками, – взмолился Роберт.

– Не сегодня, любезный мой Робин. Сегодня мы действительно должны кое-что обсудить. Мой брак. Я уже выслушала мнения моих советников, но больше всего я прислушиваюсь к твоему.

Она слегка покраснела.

– Не знаю, Бесс, понравится ли тебе мое мнение.

Роберт шагнул к ней, остановившись совсем близко. Его ноздри улавливали слабый запах розовой воды и душицы – всегдашних ароматов Елизаветы.

– Только не говори, что лучшим претендентом ты считал Филиппа!

– Подобный совет моей королеве мог бы дать кто угодно, только не я. Такое лишь в страшном сне привидится, – улыбнулся Роберт.

– Но я пока не слышала твоего совета, мои дорогие Глаза.

Роберт наклонился к ней и обнял.

– Он очень прост: выходи за меня, – уверенным тоном произнес он, не отрывая от нее взгляда.

В глазах королевы Роберт прочитал удивление, желание и еще одно менее приятное чувство. Неужели страх?

И вновь Елизавета почувствовала, как тает в руках мужчины, который был почти ее любовником. Он так крепко к ней прижимался, что даже через плотную одежду она чувствовала желание, владевшее всем его телом. Елизавета никак не думала, что Роберт окажется настолько прямолинейным. Ее удивляло, как ответило на его слова ее сердце, и еще более удивлял ответ тела. Захлестнутая волной желаний, Елизавета даже перестала дышать. Казалось бы, чего проще – поддаться этому желанию? Но она давно научилась владеть собой и хорошо знала: телесная страсть способна полностью заглушить в ней голос разума. Нужно совладать с желанием и не забывать, почему больше никогда нельзя рисковать своей честью. Особенно с женатым мужчиной.

Елизавета нежно поцеловала Роберта в губы, затем отстранилась. Теперь настал его черед удивляться. Роберту не зря дали прозвище Цыган. Достаточно взглянуть в его темные глаза – настоящие омуты желания. Но какие прекрасные омуты!

– Робин, мой сильный, красивый Робин, – начала Елизавета. Ее голос был хриплым от сдерживаемых чувств. – Если бы я собиралась выйти замуж и могла следовать велению своего сердца, я бы непременно выбрала тебя. Но это невозможно.

Роберт выпустил ее из объятий. Веки его стали будто еще тяжелее. Огонь в глазах погас, сменившись холодным недовольством. Елизавете сдавило грудь. Она боялась, что у нее разорвется сердце.

– У тебя есть жена.

– Которая умирает.

– Но пока она жива, пока ты не станешь свободным, о нашем браке не может быть и речи.

– А если бы сейчас я был свободен, ты бы обдумала мое предложение?

– Робин, и в этом случае оставались бы свои трудности.

– Бесс, вместе мы преодолеем любые трудности. Рядом с тобой должен быть сильный мужчина, всегда способный тебя поддержать. Убежденный протестант, на которого не могут давить иностранные дворы. Человек, всецело преданный твоим интересам. И наконец, человек, который искренне тебя любит. Этот человек – я. Разве ты не видишь? Кто из чужеземных принцев, которых ты дергаешь за ниточки, как марионеток, способен предложить тебе все это?

– Робин, ты всерьез меня любишь?

– Я люблю тебя всем сердцем. – Роберт выдержал ее взгляд. – Неужели о таком нужно спрашивать?

– Нет. Я просто хотела услышать эти слова из твоих уст, – засмеялась она. – И все остальное, о чем ты сказал.

Роберт снова обнял ее:

– Я люблю тебя, Бесс. Я по-настоящему тебя люблю.

– Меня или мою корону? – решив его немного подразнить, спросила Елизавета.

– Я люблю тебя вместе с короной... если ты это хотела услышать!

Подобное отчасти можно было посчитать шуткой. Роберт улыбался. Затем его лицо стало серьезным.

– Теперь твоя очередь.

– Милый мой Робин, ну как ты мог сомневаться? Я люблю тебя так, как не любила ни одного мужчину.

– Даже сейчас ты умудряешься отвечать двусмысленно! – покачал головой Роберт. – Но я-то знаю, в твоей жизни просто не было других мужчин. Я не имею в виду любовь к твоему отцу. Это совсем иное.

Лицо Елизаветы помрачнело. Она высвободилась из рук Роберта и опустилась на стул. Роберт загнал ее в угол, и не оставалось иного, как рассказать ему правду. Елизавета решила, что Роберт имеет право это знать.

– Был у меня мужчина. Я тогда была совсем молодой. Ты наверняка слышал пересуды. Я говорю про своего отчима.

– Томас Сеймур? Лорд-адмирал? Да, я что-то слышал. Но и я тогда был слишком молод и посчитал все это обыкновенными сплетнями.

– За что я тебе и благодарна. Это было ужасное время. Сеймур был опасным человеком, подверженным вспышкам гнева. Игра страстей туманила ему разум. А я? Четырнадцатилетняя девчонка. Он воспользовался моей наивностью.

Тогда она буквально потеряла голову от этого обаятельного обольстителя. Мерзавца, каких еще поискать. Все это Елизавета понимала сейчас, а десять лет назад ей не хватало ни ума, ни жизненного опыта. А Сеймур, недавно женившийся на ее мачехе Катерине Парр, думал, что Елизавета – настоящая дочь своей матери. Ароматный плод, который созрел и сам просится в руки. Сеймур, как и многие, считал Анну Болейн похотливой шлюхой.

– Как понимать твои слова? – довольно резко спросил Роберт.

– Он повадился по утрам заходить ко мне в комнату, когда я еще лежала в постели. Щеко-тал меня, похлопывал по плечам. Я пожаловалась Кэт, та – Катерине, но бывшая королева отмахнулась. Она вышла за лорда-адмирала спустя считанные недели после смерти моего отца. Про Катерину говорили, что она потеряла всякий стыд. Любовь к Сеймуру настолько ослепила ее, что она не замечала его недостатков и не верила, когда о них говорили другие. Но однажды глаза Катерины все-таки открылись. Она застала меня в объятиях лорда-адмирала. Мы с ним... целовались. То, что я оставалась невинной, никак его не оправдывало. Бедная Катерина настолько ужаснулась, что немедленно усала меня из своего дома. Как она сказала, для моего же блага. Потом она умерла в родах, а я с тех пор чувствую себя виноватой.

Роберту Елизавета не посмела рассказать, что Катерина застала их совершенно голыми. Приди она чуть позже... Сеймур добился бы желаемого. Этого Елизавета тогда тоже не понимала, зато это хорошо поняла беременная Катерина.

– Но ведь ты тогда была еще ребенком. – Роберт опустил перед ней на колени и взял ее руку в свою. – Лорд-адмирал воспользовался твоей неопытностью. Его поступок вдвойне отвратителен, поскольку ты ведь была принцессой.

– Да. Женитьба на мне рассматривалась бы как государственное преступление, не говоря уже о попытке соблазнить. Я это знала. Он – тоже. По крайней мере, должен был знать. Дальнейшие события ты помнишь. Сеймур попытался вырвать власть из рук своего брата – лорда-протектора – и был арестован. Моих слуг заточили в Тауэр. Меня допрашивали. Пытались склонить к признанию, что я согласилась выйти замуж за Сеймура, не спросив разрешения моего брата, короля Эдуарда. Со мной обращались очень жестоко и не делали никаких скидок на малолетство. Мою бедную Кэт заперли в темной камере. Допрос продолжался много дней. Но мне было не в чем признаваться. В конце концов меня отпустили. А сплетни уже всю гуляли по Лондону и по Англии. Каких только ужасов не рассказывали! Мне было страшно, но я не знала, как все это прекратить. Вот тогда я и стала носить скромные платья и превратилась в благочестивую протестантскую девицу. Зачем я это делала? Хотела, чтобы те, кто меня видел, не думали, будто я пала совсем низко. Мне исполнилось пятнадцать. В тот день, когда лорд-адмирал взошел на эшафот, мои мучители во все глаза следили за мной – вдруг я не выдержу и выдам себя. Они и тогда считали, что я люблю Сеймура.

– Но на твоём лице не дрогнул ни один мускул?

– Ни один. Я смотрела на казнь так, будто впервые видела осужденного. Десять лет прошло, а я и сейчас помню весь ужас тех дней.

Роберт крепко обнял ее за плечи:

– Моя бедняжка Бесс. Я и не представлял, что Сеймур так отвратительно вел себя с тобой. Надеюсь, он все-таки не воспользовался твоей неопытностью?

– Ты спрашиваешь, соблазнил ли он меня?

– В общем-то, да.

Роберт пристально смотрел на нее.

– Твое молчание красноречивее любых слов, – наконец произнес он.

– Я тебе ничего не сказала.

– Тебе и не надо.

– Робин, я не могу об этом говорить! – Елизавета тяжело дышала от волнения. Она и так рассказала слишком много. – Мне тогда было всего пятнадцать!

Роберт целовал ее, долго и крепко. Его пальцы нежно гладили ее спину, затем стали гладить шею. Он осторожно склонил голову Елизаветы себе на плечо.

– И все-таки, Бесс, расскажи. Облегчи душу. Тебе тяжело столько лет носить это в себе. Я люблю тебя, и ты можешь мне доверять. Неужели ты думаешь, что мне так важны события десятилетней давности? Мне важно другое. Воспоминания и сейчас печалят твою душу.

Елизавете стало легче дышать.

– Это было один раз. Только один.

– Он тебя заставил?

– Нет, но я не хотела, чтобы все заходило так далеко. Увы, зашло... раньше, чем я об этом узнала.

– Что же здесь ужасного?

– Поначалу ничего. Только потом, когда его казнили... Роберт, мне не объяснить. Такое ощущение, будто со мной совокуплялся труп. Само воспоминание об этом действе стало мерзким и отвратительным. Я подумала: наверное, подобные же ощущения были и у моего отца после казни моей матери и Екатерины Говард.

– Но я слышал, многие, особенно старики, вспоминают моменты телесной близости с теми, кого любили и кого уже нет в живых. И воспоминания согревают их, а не ужасают.

– Потому что их любимые просто умерли. А так представь: тело, которое ты обнимал и ласкал, лежит окровавленное на плахе. – Елизавета вздрогнула.

Однако казнь лорда-адмирала была не единственной причиной, отвратившей ее от телесной близости. Она сжималась от ужаса, слушая о мучениях, которые претерпела Катерина Парр, рожая ребенка. Она сумела родить, но потом умерла от родильной горячки. В родах умерла еще одна мачеха Елизаветы – Джейн Сеймур, а также ее бабушка, королева Елизавета Йоркская. В родах умерли несколько женщин из знатных семей, которых знала Елизавета. Не хватало духу признаться Роберту, как она боится отдаться мужчине. Этот страх укоренился слишком глубоко, став частью ее существа. Но даже если бы Елизавета набралась смелости и преодолела его, телесные утехи могли бы стоить ей короны. А там – кровавая смута, гражданская война и новые годы мрака над Англией.

– Теперь ты знаешь, почему я не хочу выходить замуж и почему играю в брачную игру, как ее называет Сесил.

Роберт слушал терпеливо, крепко обнимая.

– Возможно, со временем твои страхи ослабеют, – наконец сказал он. – Обещаю: я не стану на тебя давить. Есть другие способы, позволяющие доставлять и получать наслаждение. Позволь мне помочь тебе в этом. Если хочешь, прямо сейчас.

Он вновь поцеловал Елизавету в губы. Его пальцы прошли по жесткому нагруднику корсажа и легли ей на грудь. Елизавета напряглась и осторожно оттолкнула его руку.

– Дай мне время, – прошептала она, ненавидя себя за свои страхи.

Ей было не заснуть. Елизавета ворочалась в постели, сожалея, что поведала Роберту так много. Обнажилась перед ним, став более уязвимой. Слава богу, она не рассказала ему всего.

«Чего я хочу от него?» – мысленно спрашивала себя Елизавета.

Его тело? Да, но оно не должно брать власть над ее телом. А стать его женой? Нет. Пусть она ревновала Роберта к Эми, однако ее вполне устраивало, что он женат. Это было определенным фундаментом его статуса. Самой Елизавете ничто не мешало наслаждаться его обществом... и даже больше, но не терять своей независимости и не связывать себя какими-либо обязательствами. А если Эми умрет? Роберт не из тех, кто смиряется, услышав «нет». Он привык идти напролом. Он считал, что ей мешают детские страхи, и собирался сражаться с ними, как с врагами. Елизавете ничего в жизни не давалось просто, и ее тропы были извилистыми.

Ну хорошо, овдовеет Роберт. Убедится, что брак с ней невозможен, и его положение при дворе станет весьма уязвимым. Те, кто сейчас заискивает, начнут злорадно шептаться у него за спиной. Роберт не хуже Елизаветы знал, что придворные волки только и ждут возможности наброситься на него и растерзать. Королева была единственной стеной, отгораживающей его от этой своры.

Почему у нее не получается жить так, как живут другие женщины? Елизавета любила флиртовать, любила мужское внимание. Тогда что мешает? Почему она не может оставить в прошлом все ужасы, терзавшие ее неокрепшую душу? Действительно ли они так глубоко укоренились в ней? Если да, ее положение безнадежно. Она будет обрывать верхушки, но так и не доберется до корней.

Хватит терзать себя мыслями. Хватит думать о том, чего она не в силах преодолеть.

Сон по-прежнему ускользал, и Елизавета изменила направление мыслей. Стала думать о том, действительно ли мать любила отца? Бог свидетель, Генрих Восьмой добивался любви Анны. Не давал ей проходу. Чтобы жениться на ней, он даже порвал с церковной властью Рима. Эти мысли привели к вопросу, который Елизавета задавала себе многократно: как король мог подписать смертный приговор ее матери и отправить Анну на эшафот? Такое могло случиться лишь по одной причине: отец попался на уловки врагов матери. Это Елизавета слышала от Кэт и других. Ее отца и мать предали. Они оба стали жертвами чудовищного и гнусного заговора.

Неужели она так и не сможет восстановить доброе имя своей матери? Если отыщутся доказательства того, что Анна не была прелюбодейкой, не вступала в кровосмесительные связи и не затевала государственного переворота, тогда Елизавета сможет убедить своих советников подготовить документы об официальной реабилитации Анны Болейн.

Когда первые лучи рассвета коснулись стен спящего дворца, Елизавета знала, как ей действовать.

Утро королева, по обыкновению, начала с молитвы. Молилась она на коленях, стоя на мягкой скамеечке, потому что пол был слишком холодным. Молитвенную комнату украшали золотистые шпалеры. Затем королева прошла в свой кабинет, убранный с тем же великолепием, и послала за Робертом. Она держалась уверенно и властно. Сейчас в ее облике не было и следа смятенной Бесс, что глубокой ночью поверяла Роберту свои постыдные тайны.

– Роберт, Глаза мои, у меня к тебе есть важное поручение, которое я не желаю доверять больше никому, – начала она.

Роберт, несколько смущенный ее решительным видом, даже обрадовался.

– Отправляйся в Тауэр. У них там есть особая башня, где хранятся документы о государственных преступлениях. Мне нужно, чтобы ты принес мне оттуда все, что связано с моей матерью, королевой Анной.

– Бесс, а благоразумно ли это? – хмуря брови, спросил Роберт. – Обвинения, выдвигаемые против нее, и показания свидетелей могут тебя очень опечалить. Помнится, твои советники настоятельно рекомендовали тебе не ворошить прошлое. В этом я с ними согласен.

– Роберт, если бы у тебя была возможность восстановить доброе имя твоего отца, ты воспользовался бы ею?

– Разумеется. Но я знаю, что мои усилия кончились бы ничем. Преступления моего отца были слишком широко известны. Он делал все возможное, чтобы свергнуть королеву Марию. Этого никто не сможет отрицать.

– Да. Здесь мои руки связаны, и я, к сожалению, ничем не могу тебе помочь, – вздохнула Елизавета. – Но так называемые преступления моей матери совершались втайне. Даже тогда многие сомневались в ее виновности. Я хочу собственными глазами увидеть, на чем строилось обвинение. Если я не смогу очистить имя матери от клеветы, то хотя бы уберегу из своей души сомнения и противоречия.

– В таком случае я немедленно отправляюсь в Тауэр, – сдался Роберт. – Но потом не говори, что я тебя не предупреждал.

– Спасибо, мои Глаза, – улыбнулась Елизавета. – Пока ты не ушел, хочу тебе кое-что сказать. Я решила отвергнуть предложение эрцгерцога Карла. Я напишу императору и сообщу о том, что предпочитаю оставаться незамужней. Если ты увидишь, что я чрезмерно расточаю лобезности барону Брейнеру, это всего лишь подслащивание пилюли.

«И какое-то время ты сумеешь морочить бедняге голову, намекая, что можешь передумать». – С этой мыслью Роберт поклонился королеве и отправился седлать лошадь.

Когда он ушел, Елизавета позвала Кэт, и они отправились прогуляться по саду. Поскольку королева увела свою камер-фрау далеко вперед, фрейлины оказались на почтительном расстоянии и досадовали, что ничего не услышат.

– Кэт, я с детства слышала, что мои родители поженились не сразу. Отец несколько лет ухаживал за матерью. Удивительно, как ей удавалось сохранить интерес короля к своей персоне? Какие женские секреты она применяла?

Бывшая гувернантка смерила ее взглядом:

– Куда ты клонишь, Бесс? Тебе нужен совет, как удержать интерес лорда Роберта? Сдается мне, ты не нуждаешься в подобных советах!

– Кэт, ты слишком много себе позволяешь! – заливаясь краской, воскликнула Елизавета.

– А ты, Бесс, приветствуешь искренность, только когда тебя это устраивает, – нахмурилась Кэт. – Если я и глажу тебя против шерсти, то для твоего же блага, радость моя. Твое окружение никогда тебе этого не скажет. Так что не вороти нос и отнесись внимательно к моим словам. И прошу тебя, будь очень осторожна во всем, что касается лорда Роберта.

Елизавета была готова рассердиться, но мысленно себя одернула. Что за детские капризы?

– Прости меня, Кэт, – сказала она, беря камер-фрау под руку. – Я знаю, что тобой движет забота о моем благе. Но я все-таки хочу услышать о своей матери. Ее опыт мог бы мне пригодиться в брачной игре, которую я веду. И речь вовсе не о Роберте Дадли.

Кэт облегченно улыбнулась:

– Да, многие думали, будто твоей матери удавалось годами держать короля на расстоянии, но это не совсем так. Ее служанка рассказывала, что поначалу Анна действительно держала короля на расстоянии. Причина была простой: она не хотела становиться королевской любовницей. Но затем король надумал на ней жениться и сам решил держаться в стороне. По правде говоря, он опасался скандала.

– Вот это мне понятно, – кивнула Елизавета. – Но как им удавалось поддерживать пламя взаимного интереса?

– Кто знает, как ведут себя мужчина и женщина, оставшись наедине.

– Может, вся причина в том, что они не торопились достичь... известного момента? – предположила Елизавета.

Ей очень хотелось, чтобы ее предположение оказалось верным.

Кэт с любопытством посмотрела на свою бывшую воспитанницу.

«Вот, значит, до чего у вас дошло», – подумала она.

Роберт принес королеве связку пожелтевших бумаг.

– Это мне достали из «мешка секретов», – пояснил он. – Так называется место, где хранятся бумаги о государственных преступлениях. Вообще-то, там черт ногу сломит, но все, о чем ты просила, мне нашли довольно быстро.

– Спасибо тебе, мои Глаза, – сказала Елизавета и выжидательно замолчала.

Эти бумаги она должна читать одна. Быстро догадавшись о ее желании, Роберт откланялся и ушел.

Елизавета развязала ленту. Она почему-то думала, что бумаг окажется больше. Скрепя сердце взяла самую верхнюю. Это был обвинительный акт. Елизавета знала, с чем столкнется, читая его, однако все равно стало не по себе. Обвинения в прелюбодеянии с несколькими мужчинами. Обвинение в кровосмесительной связи с братом. Оказывается, Анна соблазнила брата, «засунув свой язык ему в рот». Откуда обвинители это знали? Дальше шли обвинения в заговоре с целью умертвить короля. Все выглядело так, будто Анна, которая не пользовалась особым влиянием (это необходимо помнить), задумала убийство единственного человека, способного защитить ее от врагов! Абсурд! Но этот абсурд излагался во всех тошнотворных подробностях. Над подобными измышлениями можно было бы просто посмеяться, если бы они не имели столь трагических последствий. Кромвель потратил немало сил и прибегнул ко множеству ухищрений, чтобы слепить обвинение и очернить Анну.

Елизавета взяла другую бумагу – решение суда присяжных в Кенте, единогласно подтверждавших виновность королевы Анны. Такое же решение вынес и суд присяжных в Мидлсексе. Следующая бумага содержала список пэров, давших показания в суде. Среди них оказался и дед Елизаветы, герцог Уилтширский. Обвинение было принято единогласно. Он обвинял собственную дочь.

Остальные бумаги тоже не проясняли картину далеких событий. Никаких свидетельских показаний, никаких обобщающих итогов следствия. Все лежавшее перед Елизаветой ничего не говорило о виновности или невиновности ее матери.

Елизавета чувствовала, как в ней поднимаются досада и гнев. Королева не разбойник с большой дороги. Чтобы приговорить Анну к казни, требовались достаточные основания. Ее отцу наверняка предъявили весьма серьезные доказательства, раз он приказал заключить Анну в Тауэр, судить и обезглавить. Тогда где письменные свидетельства? Где факты, заставившие оба суда присяжных и пэров признать виновность Анны? Одно из двух: или самые важные бумаги затерялись, или их... уничтожили.

Очень не хотелось думать о намеренном уничтожении доказательств. Отдать такое распоряжение мог только сам король. Получается, он находился в сговоре с советниками и знал, что все дело против Анны шито белыми нитками? Разум Елизаветы отказывался принимать столь чудовищный вывод. Но какие еще причины могли толкнуть отца на замечание следов? Елизавета уже догадывалась. Надо смотреть правде в лицо. Свидетельства против ее матери могли быть настолько скандальными, что ради сохранения чести короля их решили уничтожить.

Елизавета позвала Кэт Эшли и кивком указала на бумаги.

– Кэт, ты всегда говорила, что моя мать была невиновна. Тогда почему я здесь не нахожу подтверждений? Кстати, доказательств ее вины тоже нет.

– Храни тебя Господь, Бесс! Ну зачем ты решила копаться во всем этом? – Не переставая качать головой, Кэт просматривала бумаги. – Почему ты сомневаешься в моих словах? Твоя мать была невиновна.

– Но откуда ты это знаешь? Чем можешь доказать?

– Часть обвинений была заведомо ложной. Тогда поговаривали – разумеется, тайком, – что от Анны просто решили избавиться. Получалось, она прелюбодействовала, едва оправившись после родов. Женщина, которая только что родила, меньше всего думает о телесных утехах. Многие и с законными мужьями не хотят ложиться, а тут – прелюбодеяние!..

– Но кому понадобилось избавляться от моей матери?

– Кромвелю, кому же еще. Он очень торопился. Если бы он не сковырнул Анну, она бы сковырнула его. Во всяком случае, так говорили. Правильнее сказать, шептались. Твою мать обвиняли во многих прелюбодеяниях. Некоторые из них нелепы хотя бы потому, что королева в те дни находилась совсем в других местах. Об этом я тоже слышала. Скажу больше: кроме твоей матери, не осудили ни одной женщины. А ведь чтобы устраивать тайные встречи с любовниками, требовались помощницы. Хотя бы одна. Но не тронули никого из ее фрейлин. Анна была достойной женщиной и умом не обижена и потому никогда не стала бы позорить себя и короля любовными похождениями.

Елизавета вытерла навернувшиеся слезы.

– Спасибо тебе, Кэт. Хотя в одном ты меня успокоила, – сказала она, но тут же задала новый вопрос: – А мой отец? Неужели и он участвовал в заговоре против Анны?

– Это целиком была затея Томаса Кромвеля. Катерина Парр, да упокоит Господь ее душу, однажды рассказала мне про разговор с господином Шапюи, тогдашним испанским послом в Англии. Он поведал про свою встречу с Кромвелем. Говорили они с глазу на глаз, и Кромвель признался, что самолично задумал и осуществил заговор против королевы Анны. Боялся Кромвель твоей матери. Умен был изрядно, вот уж чего у него не отнимешь. Но ум имел дьявольского свойства: мог убедить короля, что черное – это белое. Уж не знаю, какие доказательства Кромвель представил твоему отцу, но об их убедительности он позаботился. Можешь не сомневаться. И то, что они пропали, меня не удивляет. Предвидел, бестия, что в будущем могут взяться за перепроверку дела Анны.

Елизавете полегчало. Помимо облегчения, ею владели и другие чувства. Теперь королева не сомневалась в полной невиновности своей матери. Огорчало лишь то, что доказать этого она не сможет. Анна пала жертвой отвратительного заговора, не совершив ни одного приписываемого ей преступления. Какие чувства испытывала ее мать в последние дни жизни? Каково ожидать казни, зная, что ты ни в чем не виновата?

Стол вместе с лежащими на нем отвратительными бумагами утратил резкость очертаний. Елизавета больше не могла сдерживать слезы, и Кэт прибегла к старому, испытанному способу: дала выплакаться у себя на груди.

В открытое окно общей приемной дул теплый летний ветерок. Остальные окна затеняли спущенные жалюзи. Невдалеке катила свои воды Темза. Над королевским тронном, как всегда, был распростерт балдахин с государственным гербом. Елизавета смеялась, слушая Роберта, а тот, наклонившись к ее уху, нашептывал что-то явно фривольное. С некоторых пор они любезничали открыто, что доставляло большое удовольствие придворным сплетникам и приводило в ярость Сесила. Елизавету это не волновало: пусть Сесил кипит. Она всю наслаждалась флиртом с Робертом и его ухаживаниями, играя в увлекательную игру, где сама устанавливала правила, а ее замечательный партнер лишь подчинялся. Конечно, не все было просто и безоблачно, однако Елизавета предпочитала жить сегодняшним днем, дорожа каждым мгновением, проведенным с Робертом, и испытывая приятное замирание во всем теле. А будущее само о себе позаботится.

Лицо королевы изменилось, когда в приемной появился человек в черном. Елизавета выпрямилась. Роберт поспешно отошел. Человек приблизился к трону и отвесил поклон.

Чего ждать от этого визита?

– Ваше величество, я прибыл с печальной вестью, – произнес посол с приятным французским акцентом. – Мой государь король Генрих Второй... скончался. Во время турнира с ним произошел несчастный случай – в глаз ему попало копьё. Ни врачи, ни наши молитвы не смогли спасти короля.

– Да упокоит Господь его душу, – благочестиво произнесла Елизавета.

Конец Генриха, несомненно, был ужасен, однако внутри она испытала облегчение. Отныне этот коварный, ненасытный правитель больше не будет представлять для нее угрозы.

– Страшно подумать, сколь ужасны были его страдания, – тем же тоном продолжала Елизавета. – Я немедленно напишу королеве Екатерине и выражу ей свои глубочайшие соболезнования.

Судя по отзывам разных людей, Генрих Второй постоянно изменял своей унылой, безвкусно одевающейся жене, что не мешало ей постоянно ходить беременной. Свое вдовство она наверняка восприняла как благо.

– Благодарю, ваше величество. – Посол снова поклонился. – Я прибыл, чтобы также сообщить о вступлении на престол самого христианского из королей – Франциска Второго.

Болезненного прыщавого подростка, такого же унылого, как его мать. Елизавета слышала, что мальчишка еще слишком мал и слаб. Можно биться об заклад на любую сумму: став регентшей, Екатерина Медичи возьмет власть в свои руки.

– Мы обязательно напишем его величеству и поздравим со вступлением на престол, – с придворным изяществом произнесла Елизавета.

Днем собрался Тайный совет, где уже не было ни любезных улыбок, ни учтивых слов.

– Вы и без меня понимаете, что теперь Мария Стюарт становится королевой Франции, – бушевала Елизавета. – Конечно, ее аппетиты простираются и на Англию. Тем более католики считают ее притязания на английский трон вполне законными. Генрих Второй формально провозгласил ее королевой Англии, но он всегда оставался реалистом и не стал бы нарушать условия мирного договора с нами. А вот королева Екатерина представляет для нас опасность. Любви ко мне она никогда не питала. Добавьте к этому власть, какой она нынче обладает при французском дворе. Если Екатерина заключит союз с дядями Марии – могущественными Гизами, – они вполне могут попытаться меня свергнуть.

– Это не единственная угроза, – заговорил Сесил. – Мать Марии до сих пор остается регентшей Шотландии. Местные лорды-протестанты ее на дух не переносят, поскольку она католичка. Мы, разумеется, поддерживаем их стремление самостоятельно править Шотландией и вырваться из пут католицизма, но что будет, если две регентши объединят усилия против нас и зададутся целью возвести Марию Стюарт на английский престол? Их шансы на успех весьма высоки. Это превратило бы Англию в придаток Франции и навсегда похоронило бы мечты шотландских протестантов о самостоятельности.

– Мы должны нанести Франции удар, которого она никак не ждет, – выпалила быстро соображающая Елизавета. – Это означает, что я должна выбрать себе мужа, который доставит французам немало хлопот!

Двадцать пар удивленных мужских глаз уставились на Елизавету. Сесил даже вытянулся на стуле, будто пес, ожидавший сочную косточку.

– У вашего величества уже есть кто-то на примете? – не особо скрывая волнение, спросил Сесил.

– Есть. Герцог Арранский. Он шотландец. Протестант. Пока у Марии Стюарт не родился наследник, он является ее преемником. Имя герцога уже упоминалось в ряду претендентов на мою руку. Можно не сомневаться, что шотландские лорды обрадуются и горячо поддержат его кандидатуру. Мы оба приверженцы истинной религии, и брак между герцогом и мною объединил бы Англию и Шотландию крепче, чем когда-либо прежде.

– И если, не приведи господь, с Марией Стюарт что-то случится, – подхватил Сесил, отчаянно стараясь сохранять бесстрастное выражение лица, – ваше величество взойдет и на шотландский трон.

– Совершенно верно, – ослепительно улыбнулась Елизавета. – Уильям, мы с тобой воистину едины в духе. При моей поддержке шотландские лорды быстро свергнут королеву-регентшу. Я постоянно слышу, что Марию Стюарт не привлекает управление Шотландией и она готова передать бразды правления в другие руки. Она же выросла во Франции и всегда мечтала быть французской королевой. Еще я слышала, что она обожает дорогие наряды и музыку. Шотландия ей явно не по вкусу.

– Целиком с вами согласен, ваше величество, – поддержал Бэкон. – Правительница Шотландии из нее никудышная. Она почти не знает этой страны. Варварское государство, которое не идет ни в какое сравнение с Францией.

– Однако не стоит забывать, что Мария Стюарт хочет быть королевой Англии, – сказал Сесил. – Судя по всему, это главная цель ее жизни. Шотландия для нее не настолько важна.

– И опять ты прав, мой Дух, – согласилась Елизавета, улыбаясь новому имени, придуманному ею для Сесила. – Но мы покажем ей, что моя корона не для ее головы. Я приглашу Аррана в Англию.

Елизавета предвидела, как воспримет новость Роберт. Как обиженный ребенок, которому прежде доставалось все внимание. Нужно убедить его, что Арран – ее очередной дипломатический ход. Стрела, направленная в сердце ее врагов. Но Елизавета была не прочь пофлиртовать с герцогом хотя бы ради того, чтобы позлить эту пустоголовую Марию Стюарт.

В кабинет, где заседал Тайный совет, вошел секретарь и подал Елизавете письмо. Прочитав его, королева улыбнулась. Оказывается, ее возможности пофлиртовать расширились.

– Должна вам сообщить, мои лорды, что шведский принц Эрик не поверил письменного отказа. Он прибудет собственной персоной, чтобы ухаживать за мной!

– Пусти кота в голубятню, – проворчал герцог Сассекский.

– Эрик – протестант, и это делает его достойным кандидатом. – Про себя Елизавета думала о том, сколько дополнительных причин для ревности получит Роберт. – Я буду рада поднять ему настроение. («Все остальное у него поднимется без меня», – подумала она.) Но в чем мы нуждаемся острее всего, так это в союзе с императором и королем Филиппом против Франции. Любезные лорды, я намерена очаровывать Аррана, что в немалой степени ублажит шотландцев и разозлит одну итальянскую синьору во Франции. А перед Эриком я буду разыгрывать очаровательную деву. Но прежде всего я намерена повидать барона Брейнера и сообщить ему, что вновь начинаю задумываться о браке с эрцгерцогом Карлом.

Это было ее первое королевское лето. Елизавета охотилась, пиновала, танцевала. Двор пустился в странствия, чтобы королева смогла лучше познакомиться со своими подданными, а подданные удостоились бы чести лицезреть королеву. Помимо этой благородной задачи, существовала и другая, чисто практическая: сэкономить деньги государственной казны, поскольку королева и двор останавливались во дворцах и домах английской знати и хозяева брали все расходы на себя. Июль и август были для Елизаветы просто сказочными месяцами. Вместе с многочисленными придворными она перемещалась из Эльтамского дворца в Дартфордский, оттуда – в Кобэм и Нонсач. Как и зимой, когда она ехала в Лондон, люди выстраивались вдоль дорог, приветствовали королеву, посылали ей свои благословения и вручали скромные, но трогательные подарки.

Естественно, что лорд Роберт, будучи королевским шталмейстером, постоянно сопровождал королеву. В путешествиях он ехал позади нее, а иногда и рядом, немало раздражая этим Сесила и других советников. Роберт сопровождал королеву не только во время поездок. Он следовал за нею повсюду или находился поблизости. Со стороны могло показаться, что он уже

ощущает себя королем. Его наряды становились все более дорогими и впечатляющими. Почти все они были украшены драгоценными камнями. Порою Роберт напоминал раздувшегося от самодовольства индюка. Его римский нос всегда был горделиво поднят. Елизавета любовалась им, не в силах отвести глаз. Вот уж кто настоящий принц: смелый, заботливый, постоянно умеющий чем-то удивить. В те дни она все реже вспоминала казненного Сеймура. Казалось, что давнишняя душевная рана начала затягиваться. Елизавета по-настоящему любила Робина, и ее не волновало, как к этому относятся другие. Если во время обеда ей хотелось, чтобы он гладил ее руки под столом, если она ласково проводила по его щеке или даже целовала в губы, это касалось только их с Робертом и больше никого. Она была королевой, и никто не смел ее упрекнуть.

Поздно вечером Елизавета звала Роберта в свои покои. Иногда прямо в спальню, если временное пристанище не было достаточно просторным. Отсылала фрейлин и запирала дверь изнутри, говоря, что она и лорд Роберт будут обсуждать важные государственные дела. Даже государственные тайны! Очень скоро «обсуждение» заканчивалось постелью, где они сплетались в жарких объятиях.

Выражаясь словами Кэт, Елизавета позволяла себе все больше и больше вольностей. Она разрешила Роберту трогать свои груди, что буквально свело его с ума. Он мог беспрепятственно дотрагиваться до ее длинных стройных ног. Его чувственные пальцы любили скользить по ее ногам, обтянутым новомодными шелковыми чулками, к которым она питала слабость. Иногда Елизавета даже позволяла Роберту брать ее руку и класть туда, куда ему хотелось, но лишь поверх гульфика. Заходить дальше она не решалась. Все это было так чудесно, так волнующе. Сама обстановка тайных свиданий действовала не хуже восточных пряностей. Больше всего Елизавете нравилось смотреть, как Роберт теряет самообладание. Это льстило ей и приятно возбуждало. Ей нравилось повелевать мужчиной через страсть.

– Ты меня убиваешь, – со стоном признался Роберт в одну из особо страстных ночей.

Он лежал на спине и тяжело дышал и, чувствовалось, находился на пределе. Струившийся сквозь опущенные жалюзи лунный свет озарял его благородный профиль.

– Ну почему я не могу обладать тобой?

– Ты сам прекрасно знаешь почему.

Приподнявшись на локте, Елизавета нежно поцеловала его в щеку.

– Послушай меня, Бесс! – прорычал Роберт, хватая ее за руку. – Я готов стать твоим мужем. Тебе нечего со мной бояться. Неужели ты этого не видишь?

– Пока ты женат, я вижу лишь скандал, который может разразиться, – довольно резко ответила она.

– Но ждать осталось совсем недолго, а потом я буду свободен.

Елизавету вдруг прошиб озноб.

– Неужели ты так спокойно говоришь о смерти женщины, которую когда-то любил? – шепотом спросила она.

– Нет, конечно. Пусть у меня нет к Эми прежних чувств, я сочувствую ее состоянию. И вовсе не желаю ее смерти. Каждый раз, когда я вижу ее больной и испуганной, это становится для меня пыткой. Я понимаю, что ничем не могу ей помочь. Но человеку нужны утешения. Я не могу страдать с ней за компанию, поскольку это тоже ничего не даст. Бесс, я никогда не любил Эми так, как люблю тебя. Мы с тобой – родственные души. Между нами много общего. Настанет день, когда я вновь буду свободен и смогу жениться.

– Нельзя, чтобы кто-то узнал, что я обдумываю брак с женатым мужчиной, – сказала Елизавета.

– Хотя бы дай мне повод надеяться.

Елизавета молчала.

– Если не можешь мне отжаться, хотя бы назначь меня на высокую государственную должность, – завел старую песню Роберт. – Твои советники меня ненавидят. Они завидуют мне и презирают. Двор полон разговоров о том, что я выходец из семьи предателей, покушавшихся на законную власть. Это я-то, который всегда был верен английской короне. Сесил трудится не покладая рук, чтобы устроить твой брак с эрцгерцогом. Но им движет не столько это, сколько желание меня позлить.

– Роберт, ну почему тебе вечно мало? – не выдержала Елизавета. – Ты пользуешься влиянием, какого нет и у Сесила. Когда хотят получить у меня аудиенцию, обращаются к тебе. И я знаю, ты отнюдь не бескорыстно помогаешь просителям. Сесил говорит, ты делаешь все, что в твоих силах, чтобы замедлить или расстроить мои переговоры о браке.

– Ты никак меня обвиняешь? – Ее слова заставили вспыхнуть и Роберта. – Мне ненавистна даже мысль о твоём браке с католиком. Подобные чувства возникают у каждого настоящего англичанина! И если ты согласишься выйти за одного из этих смазливых принцев, мне конец.

– Я не говорила, что собираюсь выйти за кого-то из них.

– Но ты не сказала и что выберешь меня! Бесс, ты же меня любишь. Ты часто говорила мне об этом. И ты хочешь меня, невзирая на все твои слова. Ты нуждаешься во мне.

– Я не нуждаюсь ни в одном мужчине! – сердито возразила Елизавета. Она встала и расправила платье. – А сейчас я нуждаюсь в крепком сне. Одна. Спокойной ночи, Робин!

Дворец Нонсач задумывался отцом Елизаветы как охотничий замок и был построен в итальянском стиле. Герцог Арандельский устроил королеве и ее двору пышную встречу. Для нее были приготовлены просторные комнаты, где уже висели шпалеры и стояла мебель, привезенная по настоянию Елизаветы из Хэмптона. Герцог закатил пир с таким немыслимым количеством блюд, что королева улеглась спать лишь в три часа ночи. В последующие дни ее ждали маскарады, балы и охоты. Естественно, герцог Арандельский стремился постоянно находиться возле нее: разодетый, униженный перстнями, делающий свои нелепые комплименты и еще более нелепые признания в любви. Елизавета выдерживала все это терпеливо и с чувством юмора. На прощание герцог вручил ей потрясающе красивый набор серебряных тарелок.

«Дорого же я заплатила за твои тарелочки», – подумала она.

Пикеринг, который пользовался любой возможностью, чтобы напомнить Елизавете о себе, тоже считал, что герцог утомил королеву своим душным вниманием. Себя же он считал утонченным и галантным. Чтобы не обижать старого друга, Елизавета согласилась прогуляться с ним, и... конечно же, они наткнулись на Роберта. Лицо у шталмейстера было чернее тучи. Елизавета весело улыбнулась Роберту и пошла дальше под руку с Пикерингом.

Труднее было с Кэт. Той очень не нравились «вольности», допускаемые Елизаветой. До сих пор удавалось избегать столкновений с бывшей гувернанткой. Не хотелось напоминать Кэт, что теперь она королева и находится выше чьих-либо осуждений. Как-то утром, когда Елизавета встала и собиралась покинуть спальню, туда вдруг зашла Кэт и, кряхтя, плюхнулась на колени.

– Госпожа моя! Моя дорогая Бесс. Умоляю тебя: ради бога, выйди ты замуж и положи конец этим гнусным слухам о тебе и лорде Роберте. – Голос пожилой женщины не позволял сомневаться в ее искренности. – Это в твоих же интересах. А то вокруг столько злословят о твоём поведении.

Глаза Елизаветы вспыхнули. Она не потерпит подобных речей даже от дорогого ей человека.

– Если я и оказывала знаки внимания лорду Роберту, он это заслужил благородством своей натуры и своими поступками. Я просто в толк не возьму: как может кто-то возражать

против нашей дружбы? И уж меньше всего я ждала подобных речей от тебя. Меня повсюду сопровождают фрейлины и придворные дамы...

Елизавета осеклась, увидев, что Кэт кусает губы.

– Не повсюду, – вздохнула камер-фрау.

– Если они не рядом, то поблизости, – возражала Елизавета, чувствуя, что краснеет. Она не хотела уступать Кэт. – Если бы между мною и лордом Робертом произошло что-то предосудительное, они бы первыми об этом узнали.

Разговор начинал ее сердить.

– Вот что я тебе скажу, Кэт. Если бы у меня имелись склонности к несправедливой жизни, если бы я находила в этом удовольствие, никто не посмел бы ставить мне запреты. Даже ты. Но я знаю: Бог никогда не допустит, чтобы я пала столь низко, и этого никто не увидит.

Кэт переживала так, словно перед ней стояла беспутная дочь. Она заламывала руки, готовая расплакаться:

– Бесс, но эти слухи губительны для тебя. Если я позволяю себе говорить подобное, то лишь из любви к тебе. Ты ведь не захочешь оттолкнуть от себя народ. Особенно после такого блистательного начала, когда ты видела в их глазах искреннее восхищение тобой. А при дворе уже складываются две партии: одна надеется получить выгоду, поддерживая лорда Роберта, другая настроена против него. Неужели ты желаешь, чтобы твой двор, а за ним и королевство разделились?

Елизавета пожала плечами, едва сдерживая свое нетерпение:

– Кэт, твоя преданность мне выше всяких похвал. Что же касается замужества, я не могу решиться на такой шаг, не взвесив тщательно все «за» и «против». Иначе я была бы не королева, а дурочка!

– Тогда не следует ли тебе отдалиться от лорда Роберта и дать надлежащий ход переговоров?

– Кэт, ты говоришь мне очень дерзкие вещи. А ведь ты мне не мать.

Эти слова вырвались у Елизаветы сами собой. Она вдруг почувствовала, что сама готова заплакать. Если бы Анна была сейчас жива, если бы могла она утешить и дать настоящий материнский совет. Но отдалиться от Роберта? Он был ее радостью, утешением, островком в бурном море постоянно меняющихся союзов.

– Кэт, не бей меня так больно. Ты заменила мне мать. Ты была рядом в самые мрачные минуты моей жизни. Да, мне необходимо постоянно видеться с Робинем. Постарайся понять, почему я это делаю. В мире, где я живу, столько горя и страданий и так мало радости.

– Успокойся, мой ягненок, – заворковала Кэт, поднимаясь с колен и торопясь обнять Елизавету. – Прости, если сказала тебе что-то обидное. О каком горе и страданиях ты говорила?

Елизавета вздрогнула. Такое случалось и прежде, и как раз сейчас она вдруг почувствовала себя подавленной и одинокой.

– Многие мечтают быть королем или королевой. Но смотреть на тех, кто носит корону, куда легче и безопаснее, чем носить ее самому. Только дураки усматривают в этом удовольствие! У меня полным-полно врагов, и многие из них улыбаются мне и говорят любезности. Моя корона не только привилегия, но и тяжелая ноша. Вокруг достаточно тех, кто хоть сегодня сбросил бы меня с трона, если бы смог. Достаточно и тех, кто стремится помыкать мною. Есть одна причина, почему я не решаюсь выйти замуж и почему лишаю себя покоя, который, как говорят, женщина обретает в браке. Я отличаюсь от других женщин. Я королева и королевой намерена оставаться.

Выплеск эмоций принес облегчение. Елизавета снова почувствовала себя собранной, сильной, уверенной в избранном пути. Да, у нее бывают моменты слабости, когда начинает казаться, что возможен какой-то другой путь.

– Дорогая моя, я просто тебя умоляю: будь осторожна, – заклинала Кэт. – Не далее как вчера барон Брейнер пытался выведать у твоих фрейлин, часто ли ты бываешь наедине с лордом Робертом. Естественно, они клялись и божились, что ты всегда помнишь о чести королевы, но барон усматривает лорда Роберта как угрозу его усилиям сосватать тебе эрцгерцога. А мы с тобой, Бесс, отлично знаем, как часто ты уединяешься с ним.

Елизавета пристально посмотрела ей в глаза:

– Я уединяюсь с Сесилом, с Бэконом, Сассексом и другими, однако почему-то никто не обвиняет меня в прелюбодеяниях с ними.

Она даже захихикала, представив себе добропорядочного семьянина Сесила, кувыркающегося с ней в постели.

– А насчет барона Брейнера ты, Кэт, не беспокойся. Он и меня спрашивал про лорда Роберта. Спросил напрямую, люблю ли я его. Я ответила барону, что предельно загружена государственными делами и королевскими обязанностями и у меня просто нет времени на любовь.

Успокоившаяся Кэт ушла. Елизавета слукавила: в действительности она почти ни о чем другом не думала.

Пришло известие, что принц Эрик отплыл в Англию, полный решимости очаровать королеву, однако не утихавшие на море бури заставили его вернуться в Швецию.

– Хвала Господу, оберегающему меня, – объявила Елизавета своим советникам. – Бог не хочет, чтобы я выходила замуж.

– Ваше величество, у меня голова кружится от подсчета числа ваших претендентов, – с заметным раздражением произнес Сесил. – Могу ли я смиренно просить вас, чтобы вы подумали о нуждах королевства и остановили свой выбор на одном из них?

– Дорогой Дух, Господь подал мне знак, – с пафосом сказала Елизавета. – И пусть тебя не страшит, что я могу забыть о нуждах королевства. Об этом я помню всегда.

Однако Эрик не усмотрел в буре перст Божий. Он предпринял вторую попытку отправиться в Англию, и снова буря, потрепав корабль, погнала судно к шведским берегам. Вскоре от него пришло письмо, непостижимым образом добравшееся до Англии. Прочитав послание, Елизавета скривила губы:

– Принц Эрик пишет, что злая судьба не позволила ему приплыть ко мне по морю и завоевать мое сердце. Но он намерен при первой же возможности пробиться через вражеские земли, явиться в Лондон и признаться мне в своей вечной любви. – Она оглядела советников. – Похоже, что сейчас принца удерживают дома не столько вражеские армии, сколько дела его государства. Он не может приехать, но отсылает сюда своего брата в надежде получить желаемый ответ.

Через несколько часов Сесил сообщил Елизавете, что в Лондон тайком приехал герцог Арранский.

– Я разместил его в своем виндзорском доме. Нельзя, чтобы при дворе он затерялся в толпе претендентов и обнадуженных посланников. Полагаю, вам стоит встретиться с ним наедине. Герцог не слишком любит шумные беседы ни о чем.

Сесил был прав. Ее двор становился слишком... перенаселенным. Впору уподобляться султану и заводить гарем!

Через пару дней Аррана тайно привезли на встречу с королевой. Герцог оказался человеком вполне заурядной внешности, без придворного лоска. Было трудно поверить, что французы усматривали в этом леноватом экземпляре угрозу Марии Стюарт. Пожалуй, более неудачный претендент на руку королевы Елизаветы еще не попадался. Тем не менее она не собиралась его отталкивать. Никогда не знаешь, кто и когда пригодится тебе ради интересов государства.

Они говорили (если это можно было назвать разговором) об опасностях, исходящих от Шотландии и Франции. Арран слушал вполуха. Похоже, его больше занимала пчела, жужжавшая возле окна. Елизавета предприняла новую попытку вернуть его в русло политики.

– Господин Арран, это угроза не только для Англии. Это угроза всему протестантскому миру, и мы должны быть готовы ее отразить.

Пчела жужжала. Арран неохотно оторвался от созерцания ее пируэтов и кивнул:

– Я в полном распоряжении вашей светлости.

Никак она ослышалась? Он назвал ее «ваша светлость»? Очень хотелось напомнить, кто она такая, но Елизавета заставила себя сдержаться.

– Вам необходимо вернуться в Шотландию и возглавить сопротивление лордов-протестантов правлению королевы-регентши. – Елизавета пыталась хоть на чем-то сосредоточить его внимание. – Они с нетерпением ждут вашего возвращения. Совместными усилиями мы можем свергнуть власть католиков в Шотландии и разрушить их союз с французами. С вами поедет Томас Рэндольф, мое доверенное лицо.

Сопровождающий был как нельзя кстати, иначе герцог мог заблудиться и поехать совсем в другом направлении.

Арран поклонился и поцеловал ей руку.

– Пойдите, а как же мое предложение? – вдруг спросил он, будто во время их разговора находился в другом месте.

– Об этом мы поговорим позже, – твердо, но с ослепительной улыбкой ответила Елизавета.

Похоже, этот дурень не в ладах с головой. Пусть Рэндольф зажмет его в угол и простыми, односложными словами объяснит, что ей надобно от него. Затем оставалось молить Бога, чтобы герцог все это уразумел и смог осуществить ее замысел. Однако после встречи с ним Елизавета сильно в этом сомневалась. Ни о каком браке с Арраном не могло быть и речи. Ей хватило пяти минут разговора, чтобы вычеркнуть его из числа претендентов.

– Ты фальшивишь! – упрекнула его Елизавета.

– Нет, это твои уши искаженно воспринимают звуки! – парировал Роберт.

Елизавета выхватила у него гитерну¹ и стала наигрывать мелодию, наслаждаясь красотой инструмента и изяществом его линий. Звук у этой гитерны оказался просто божественным. Роберт признал свою неправоту. Как и все в ее роду, Елизавета была наделена тонким музыкальным слухом.

– Bravo! – зааплодировал Роберт.

Они сидели в галерее Виндзорского замка на диванчике возле окна. С утра они замечательно поохотились, затем отлично подкрепились и отдохнули. Теперь можно было и помузичировать. Придворные слушали их музыку, держась на подобающем расстоянии.

Елизавета принялась наигрывать веселую куранту, но вдруг оборвала игру, заметив приближающегося Сесила. В отличие от цветастых нарядов ее придворных, государственный секретарь не изменял своей привычке одеваться строго.

– Ваше величество, мне необходимо с вами поговорить, – произнес Сесил, удостоив Роберта едва заметным кивком.

– Уильям, это срочно? – поморщилась Елизавета.

– Думаю, что так, ваше величество.

– Идем.

Елизавета нехотя поднялась и прошла в комнату, где собирался Тайный совет.

¹ *Гитерна* – небольшой струнный инструмент, появившийся в Средние века и представлявший собой нечто среднее между лютней и гитарой. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

– В чем дело, мой Дух?

Сесил откашлялся.

– Ваше величество, я вынужден вам это сказать. Слухи о вас и лорде Роберте зашли слишком далеко. Этот отчет получен мною сегодня. Двор всю обсуждает новость, будто вы беременны от него.

Сесил подал ей бумагу.

Елизавета громко рассмеялась:

– Уильям, мы с тобой оба знаем: это чья-то нелепая шутка или досужий вымысел! Тебе известно мое намерение жить и умереть, оставаясь девственницей.

– Я знаю лишь то, о чем ваше величество мне рассказывает, – сухо ответил Сесил. – Еще мне известно о вашей привычке часто менять свои решения. Ваше величество, умоляю вас быть более осмотрительной в ваших встречах с лордом Робертом. При нашем дворе находится дюжина посланников, и каждый надеется, что вы остановите выбор на его господине. Вы сейчас в выгодном положении. Европейские принцы стоят в очередь, чтобы предложить вам свою руку. Пока они живут надеждами, их отношение к Англии останется дружественным. Но насколько хватит их терпения, знает только Бог. Я же не имею об этом ни малейшего представления.

– Уильям, зато ты имеешь представление о моих намерениях. Пусть ждут. Будем кормить их сладкими обещаниями.

– Ваше величество, их головы, как и моя, идут кругом от вашей переменчивости. То вы готовы принять предложение эрцгерцога, а на следующий день вдруг охладеваете к нему. Подобное можно сказать о каждом из ваших претендентов, даже о таких глупцах, как герцог Арандельский и Пикеринг.

– Их я полностью отвергла. Не могла больше видеть, как они увиваются за мной.

– Небеса благодарят вас хотя бы за этот малый шаг, – вздохнул Сесил. – Но меня буквально ошеломили слова епископа де Квадры. Оказывается, вы не раз говорили ему, что жаждете сделаться монахиней и проводить все свое время, молясь в келье.

– Ну, подразнила я немного этого испанца, – призналась Елизавета.

– Боюсь, он не оценил вашего остроумия. Особенно в подобных вопросах. И потом, горячее желание стать монахиней как-то не вяжется с вашим повышенным вниманием к лорду Роберту. Ваше величество, меня страшит, что эти новые слухи могут подорвать вашу репутацию. Умоляю, не давайте вашим врагам повода для сплетен.

– Уверяю тебя, мой бдительный Дух, повода для сплетен такого рода не было и нет. Неужели ты думаешь, что я настолько глупа?

– Нет, ваше величество. Глупой вас не считает никто. Просто люди думают, что вы забыли об осторожности. Де Квадра же решил, что все ваши разговоры о замужестве лживы. Он думает, будто вы просто тешите собственное самолюбие, а с эрцгерцогом обращаетесь как с игрушкой.

– Что за чертовщина! – не выдержала Елизавета. – Я отучу его говорить в таком тоне обо мне! Покажу ему, что совершенно честна в своих замыслах.

– А лорд Роберт? – спросил Сесил, подавляя улыбку. – Вы будете более осмотрительны с ним?

Ответом была невинная улыбка Елизаветы.

Слова Сесила привели ее в скверное расположение духа. Как осмелился епископ де Квадра говорить о ней подобные гнусности? Она обязательно докажет этому испанцу, что не ведет с ним никаких игр, а заодно заставит его заплатить за грубые слова. Оставалось лишь найти способ.

Елизавета мысленно перебрала, кто мог бы помочь ей в этом, и остановилась на Мэри Сидни, сестре Роберта. Если Кейт Ноллис была самой любимой фрейлиной королевы, то на втором месте стояла, конечно же, Мэри. Достаточно сказать, что юный король Эдуард умирал на руках Гарри – мужа Мэри. Чета Сидни принадлежала к числу верных друзей Елизаветы. Темноволосая, удивительно хорошо сложенная, Мэри казалась прекрасным цветком, выросшим на благородном дереве. Ее отличали доброе сердце и чувство юмора. Но она не была бы урожденной Дадли, если бы не обладала склонностью к интригам. Вряд ли кто-то лучше справится с поручением королевы.

Елизавета послала за Мэри и изложила свой план: Мэри должна будет тайно посетить епископа де Квадру. Фрейлина удивленно вскинула брови.

– Ваше величество, вы хотите, чтобы я подпортила ему репутацию? – спросила Мэри, удивленная странным поручением.

– Ничего подобного, – усмехнулась Елизавета. – Хотя я бы не отказалась полюбоваться вытянувшейся физиономией епископа! Нет, Мэри, мой замысел куда скромнее. Я хочу организовать переговоры по поводу моего брака с эрцгерцогом Карлом. По ряду причин я не могу сказать де Квадре об этом сама.

Мэри безуспешно пыталась скрыть свое недовольство. Она наверняка надеялась, что королева выйдет за ее брата.

Чувства фрейлины Елизавету не трогали.

– Ты скажешь его превосходительству, что во дворце Нонсач был раскрыт заговор с целью отравить меня и Роберта.

– Какой ужас, ваше величество! – воскликнула испуганная Мэри. – Я об этом даже не знала.

– Не знала, потому что никакого заговора и не было, – засмеялась Елизавета. – Но когда будешь говорить с епископом, изобрази весь ужас, на какой способна. Скажи, что очень боишься за мою безопасность и горячо желаешь видеть меня замужем за эрцгерцогом, поскольку этот достойный принц способен защитить меня от врагов. Словом, ты пришла просить о возобновлении переговоров о моем браке с эрцгерцогом. То, что ты из семейства Дадли, придаст убедительности твоим словам.

– Ваше величество думает, что он меня послушает?

– Еще как. – Елизавета была очень довольна и своей уловкой, и собой. – И обязательно скажи, пусть не смущается моим явным нежеланием обсуждать этот вопрос. Дескать, у знатных английских женщин есть такой обычай: они не соглашаются до тех пор, пока их не начинают домогаться всерьез.

Мэри Сидни стало несколько не по себе от замысла Елизаветы, однако и она улыбнулась, представив грузного, добропорядочного епископа де Квадру домогающимся... согласия Елизаветы на брак с эрцгерцогом.

– Особо не увязай в разговорах с ним, – продолжала Елизавета. – Скажи, мол, королева сама начинает понимать необходимость замужества, да и советники напевают. Дескать, устали они от ее проволочек. Обязательно заверь епископа, что ты не осмелилась бы прийти к нему, если бы все это не было правдой. В случае чего намекни, что действуешь с моего согласия. То есть сама я вслух об этом не скажу, но я была бы рада видеть эрцгерцога в Англии.

– Хорошо, ваше величество. Я сегодня же вечером постараюсь увидеться с епископом, – пообещала Мэри и бесшумно выскользнула из королевских покоев.

Вернулась она ближе к полуночи вместе с Робертом. Тот многозначительно посмотрел на Елизавету. Ему не терпелось узнать, с чего это вдруг она снова затевает переговоры о браке с эрцгерцогом и почему вовлекла в интригу с де Квадрой не кого-то, а его сестру.

– Как все прошло? – стараясь не смотреть на Роберта, спросила Елизавета.

– Поначалу епископ не хотел мне верить, – призналась Мэри. – Он даже послал за Робертом.

– К счастью, Мэри перед визитом к епископу переговорила со мной и объяснила, что к чему. – Голос Роберта звучал сдержанно. – Когда за мной прислали, я пришел и подтвердил, что моя сестра говорит сущую правду. Думаю, мои слова имели некоторый вес. А сейчас, ваше величество, я прошу разрешения удалиться. День сегодня был весьма утомительным.

– Робин, успокойся. Ты же знаешь о моих играх.

– Ни о чем подобном я не знаю!

Капризный мальчишка!

– Мэри, благодарю тебя за помощь и не смею задерживать, – повернулась Елизавета к фрейлине.

Когда Мэри ушла, Елизавета обняла Роберта:

– Глаза мои, сейчас я покажу тебе свои истинные намерения. Этот маленький спектакль я устроила, чтобы проучить епископа де Квадру. Больше он не посмеет обвинять меня во лжи и непостоянстве.

– Вот оно что, – облегченно вздохнул Роберт и впервые за все это время улыбнулся. – Значит, ты не собираешься выходить за эрцгерцога?

– Ни в коем случае.

В теплые сентябрьские дни двор Елизаветы переехал во дворец Хэмптон-Корт. Каждый день она гуляла по обширным паркам, окружающим дворец. Вдоль широких дорожек красовались огороженные цветочные клумбы. На бело-зеленых (цвет Тюдоров) деревянных столбах ее приветствовали деревянные геральдические звери.

– Отец очень любил это место, – сказала она Роберту, оглядываясь на внушительное здание из красного кирпича. – Он выкупил дворец у кардинала Уолси, намереваясь перестроить и подарить моей матери. Увы, ее казнили раньше, чем закончили переделывать дворец.

– Теперь он служит великолепным памятником твоим родителям, – улыбнулся Роберт. – И правильно, что король выкупил Хэмптон-Корт у кардинала. Служителям Бога не пристало обременять себя обширными владениями.

– А я никогда не любила этот дворец, – призналась Елизавета. – Другие им восторгаются, но мне он кажется неуютным. Вдобавок именно здесь я часто простужалась. Помню, как мне пришлось здесь задержаться, когда Мария решила, что беременна, и стала готовиться к родам. Для будущего ребенка наготовили кучу приданого. Мне в Хэмптоне жилось немногим лучше, чем в Тауэре. А дальше... подошел срок рожать. Потянулись дни сверх срока, потом недели. Каких только объяснений ни выдумывали, но ребенок не появлялся. Лето выдалось невероятно душным. Дворец был переполнен людьми. Идешь по коридорам и зажимаешь нос от запаха пота и откровенной вони... Кончилось тем, что моей бедной сестрице пришлось подтвердить то, о чем мы давно догадывались: у нее была ложная беременность. Живот раздуло, но чрево оказалось пустым. Помню, с какой радостью я поспешила убраться отсюда.

– Твоя сестра была несчастной женщиной, – заметил Роберт.

– И в этом немалая доля вины короля Филиппа. И как только у Сесиля и других языки поворачиваются сватать меня за чужеземных принцев? Кстати, барон Брейнер упорно добивается аудиенции, но я не желаю его видеть.

Роберт оглянулся по сторонам, убеждаясь, что фрейлины королевы достаточно далеко и не слышат их разговора.

– Бесс, куда благоразумнее выйти за соотечественника.

Елизавета наградила его удивленным взглядом.

– Я не желаю выходить ни за герцога Арандельского, ни за Пикеринга.

– Я имел в виду совсем не их.

– Робин, мне известно, кого ты имеешь в виду, и мой ответ – нет!

Она резко развернулась и пошла в сторону дворца. Роберт догнал ее, и вместе они прошли через калитку, которая вела в личные покои королевы.

– Прости меня, Бесс. Я вовсе не хотел тебя раздражать. Вырвалось... ты же знаешь мои чувства к тебе.

– Только не надо сейчас о них. Идем, мне нужно с тобой посоветоваться.

Они шли по галереям и помещениям, где блеск золота и серебра перемежался с яркими красками. Очередная галерея вывела в просторный зал, в котором одну из стен украшали инициалы Анны Болейн. Разумеется, они не бросались в глаза. Их должны были заменить на инициалы Джейн Сеймур, но почему-то не успели. Зная, в каком месте их искать, мог и сейчас видеть буквы, дорогие сердцу Елизаветы. Над головой поднималась удивительная крыша, составленная из гнутых консольных балок. Второй такой в Англии не было. А на полу, набранном белыми и зелеными плитками, кучка придворных готовилась к маскараду. Вдоль стен, увешанных шпалерами, стояли позолоченные деревья в больших кадках. В зале имелась сцена с поворотным кругом, на которой построили зеленый холм, усыпанный бумажными маргаритками. Идеальная декорация для пасторальных представлений. На нескольких придворных даже были маскарадные костюмы. Увидев королеву, все пали на колени.

– Поднимитесь, мои дорогие! Я всего лишь прохожу мимо и ничего не желаю знать о сюрпризах, которые вы готовите мне на этом маскараде.

Повернувшись к Роберту, она пояснила:

– Они решили сделать нам с тобой приятное и представить легенду об Эндимионе. Кейт Ноллис по секрету мне все рассказала, но я должна делать вид, что ничегошеньки не знаю. Богородный охотник Эндимион – это ты. Я буду представлять Диану, богиню луны. Эндимиона усыпили с помощью чар, однако Диана пробуждает его своим поцелуем. Его движут сострадание, милосердие и присущая богине доброта. Это первый и единственный поцелуй в ее жизни. Ни до, ни после ничьи уста не касались уст Дианы.

Елизавета озорно поглядела на Роберта и направилась к широкой лестнице, ведущей во внутренний двор.

– А ты, мои Глаза, можешь понимать эту легенду, как тебе угодно!

Через несколько дней, когда двор вернулся в Уайтхолл, епископ де Квадра попросил у королевы аудиенцию. Она немедленно приняла и встретила улыбкой.

– Ваше величество, – начал не скрывавший своей радости епископ, – я пришел поговорить о вашем предполагаемом замужестве с эрцгерцогом Карлом. Насколько я понимаю, ваше величество выделяет эрцгерцога среди остальных претендентов и готовы дать ответ.

Елизавета нахмурилась:

– Не знаю, господин епископ, чем обусловлено ваше понимание, ибо моя позиция не изменилась. Я не желаю выходить замуж ни за эрцгерцога, ни за какого-нибудь другого претендента. Даже если я вдруг изменю свое решение, мне нужно будет вначале собственными глазами взглянуть на потенциального жениха. Как можно думать о замужестве, если ты никогда не видела того, кого предлагают тебе в мужья?

Слова королевы явно удивили де Квадру, но он быстро совладал с собой:

– Хотя это и противоречит установившимся правилам, я готов пойти навстречу вашему величеству и просить императора, чтобы он позволил сыну приехать в Англию. Разумеется, инкогнито.

– Нет! – порывисто возразила Елизавета. – Его высочеству лучше вообще сюда не приезжать, поскольку я даже мысленно не могу представить себе брак с ним.

Терпение де Квадры лопнуло.

– Ваше величество, мы понапрасну тратим слова. Вы должны начать с того, чтобы признаться себе в необходимости выйти замуж. Вы уже убедились, как тяжело править в одиночку. Далее вам следует пригласить эрцгерцога в Англию. Уверяю вас, вы ничуть не поступитесь вашим королевским достоинством. Император благосклонно отнесется к приезду сына в Лондон. Он очень желал бы видеть вас своей невесткой. Император лишь просит, чтобы его сын был избавлен от унижения на публике, если ваше величество решит отвергнуть эрцгерцога.

Елизавета слушала испанца, и внутри нее поднималась ярость. Она должна? Ей следует? Да кто такой этот епископ, чтобы говорить подобные вещи королеве? Однако Елизавета не позволила гневу выплеснуться наружу.

– Я не могу пригласить эрцгерцога в Англию. Королеве, как и любой английской девушке, не пристало звать кого-либо себе в мужа. Уж лучше тысячу раз умереть. Пусть инициативу проявит сам император.

Де Квадра вдруг превратился в эдакого доброго дядюшку, увещающего строптивую племянницу:

– Конечно, ваше величество. Я понимаю вашу девическую гордость. Думаю, мне не составит труда убедить императора, и тот сам отправит сына в Англию.

Елизавета учтиво улыбнулась:

– Вы в этом уверены? Очень любезно с вашей стороны. При таком раскладе я была бы рада встретиться с эрцгерцогом.

– Ваше величество не будут разочарованы. – Епископ торжествовал и наверняка уже видел себя в роли устроителя королевской свадьбы. – Вам предпочтительно, чтобы эрцгерцог прибыл с официальным визитом или инкогнито?

– Я подумаю об этом. А покамест не добивайтесь от меня ответа. Эрцгерцог должен поступать так, как сочтет нужным. Я не желаю быть причастна к его визиту, и он не должен думать, будто я косвенным образом приглашаю его. Помните, я для себя не принимала решения о браке с эрцгерцогом. Этого вы от меня не слышали. Я вообще не знаю, стоит ли мне выходить замуж.

Де Квадра вдруг почувствовал себя очень уставшим. Он больше не улыбался. Его мечты о королевской свадьбе быстро тускнели.

– Я буду просить императора, чтобы он незамедлительно отправил сына в Англию.

– Очень надеюсь, что твои нынешние покои тебя вполне устраивают, – сказала Роберту Елизавета.

Их разговор происходил вечером того же дня, через несколько часов после аудиенции де Квадры. Оба ужинали в личных покоях королевы под свирепым взглядом Генриха Восьмого в присутствии нескольких фрейлин и коленопреклоненных слуг. Расположившаяся в углу Мэри Сидни услаждала слух королевы игрой на лютне. Большое блюдо было полно любимых пирожных Елизаветы. Три она уже проглотила.

– Вполне, Бесс. Единственный их недочет – сыровато. Но тут ничего не поделаешь. Даже королева не может отодвинуть Темзу подальше, – улыбнулся Роберт.

– Говоришь, сыровато? – Она встала из-за стола. – Идем, я хочу в этом убедиться.

Они прошли через анфиладу небольших комнат и вышли в коридорчик. Елизавета толкнула дверь в покои Роберта.

– Робин, Уайтхолл уже довольно стар и ветшает на глазах. Темзу я действительно отодвинуть не могу. Зато я могу кое-что другое. Ты еще не забыл про эту дверь и куда она ведет? – спросила Елизавета и покраснела.

У Роберта перехватило дыхание.

– Бесс, ты хочешь сказать... Ты наконец...

В нем мгновенно вспыхнуло желание.

– Я лишь хочу сказать, что после полуночи ты можешь меня навестить.

От соблазнительной улыбки Елизаветы у него закружилась голова.

Все оставшееся время Роберт убеждал себя не обольщаться, но ничего не мог с собой поделать. Вряд ли она стала бы говорить просто так. Значит, и она тоже... Роберт забыл про дела, которыми намеревался заняться вечером. Он думал только о будущем свидании. Боже, как сильно он ее хотел!

К полуночи дворец затих. Единственными звуками были переключки караульных да шум весел запоздалого лодочника. Роберт встал с постели, надел ночную рубашку и ярко-красный бархатный халат. Тихо ступая босыми ногами, он подошел к заветной угловой двери, толкнул ее. О чудо! Дверь открылась, и глазам Роберта предстало восхитительное зрелище.

Елизавета полулежала с книгой в руках среди множества подушек. Шелковые простыни, бархатное одеяло, расшитое золотом и серебром, балдахин в восточном стиле из расписного шелка. Кровать была сделана из разных пород дерева, умело подобранных по цвету. Рядом, на столике, инкрустированном серебром, горели две свечи. Чуть поодаль – на двух изящных комодах – еще несколько. Их свет красиво отражался на позолоченном потолочном карнизе. Спальня королевы имела всего одно окошко, тоже выходившее на реку. Койка дежурной фрейлины пустовала. Они с Елизаветой были одни.

Королева подняла глаза от книги. Удивления в них Роберт не заметил. Она ждала его прихода. На ней была ночная сорочка из тонкого батиста, расшитая серебром. Длинные рыжие волосы красивыми волнами струились по плечам. Пламя свечей делало их почти золотыми. Распущенные волосы немного сглаживали черты узкого, заостренного лица Елизаветы. И это изумительное зрелище видел только он, Роберт.

– Я так и думала, что ты придешь. – Королева отложила книгу.

Одним прыжком Роберт очутился возле постели и крепко обнял Елизавету.

– Как давно я мечтал об этом моменте, – прошептал он, целуя ее волосы, шею, постепенно приближаясь к ее губам.

Поначалу Елизавета отвечала с такой же страстью, но чем смелее становились его руки, тем сдержаннее были ее ответы.

– Робин, не проси от меня слишком много, – наконец вздохнула она. – Я хочу быть рядом с тобой, но пусть события развиваются без спешки. Ты сам знаешь, как опасен скандал для моей репутации. Есть ведь немало наслаждений, которые влюбленные могут доставить друг другу и не переступая черту. Ты согласен?

– Я готов тебе их показать! – прошептал Роберт.

Его желание было настолько велико, что он соглашался на все, что предлагала Елизавета.

Естественно, она не позволила ему переступить роковую черту. На следующее утро, нежась в ванне с пахучими травами, королева радовалась своей осторожности. Но она знала, что память об этих прекрасных часах счастья, которые они вырывали у жизни, навсегда останется с ней. Невозможно узнать человека, пока не окажешься с ним в одной постели и не увидишь самые скрытые его порывы и побуждения. Теперь Елизавета полностью узнала Роберта и убедилась, что ему можно доверять. Он полностью, бесповоротно принадлежал ей. Елизавета была готова поспорить на любую сумму, что это так. В ночь взаимного познания между ними возникли узы, которые никто не смог бы разорвать.

Теперь они каждую ночь проводили вместе. В Уайтхолле это стало непреложным правилом. В других дворцах – почти непреложным, ибо кое-где существовал риск, что их могут застать вдвоем. Иногда Роберт жаловался, что Елизавета губит его, лишая главного удовольствия, но она научилась доводить его до экстаза иными способами и продлевать ему наслаждение. Узнала она и как получать его самой, так что они нашли неплохие способы заместить обычное совокупление. Вскоре у них было все, кроме кульминации супружеских обязанностей.

Это очень устраивало Елизавету, и она сомневалась, что когда-либо позволит себе двинуться дальше. Если Роберт начинал упорствовать, она сразу же напрягалась – возвращались прежние страхи. Елизавета его отталкивала, возмущаясь его настырностью. Охлаждение бывало недолгим. Вскоре она обволакивала Роберта ласковыми словами, дурманила поцелуями и позволяла чуть больше обычного. Роберт успокаивался, его желание гасло, и все возвращалось в прежнее русло. По крайней мере, для Елизаветы.

Но люди продолжали трепать языками, и дерзость пересудов только возрастала. Если верить сплетням, брак Елизаветы и Роберта – дело решенное. Естественно, слухи не ограничивались двором, а разносились по всей стране. Это заставило вспыльчивого Томаса Говарда – двоюродного брата королевы и самого ревностного католика среди пэров – поспешить ко двору. Герцог не скрывал своей ненависти к Роберту и недовольства поведением королевы.

– Ты только подумай! Он заявил мне в лицо, что глубоко скорбит о твоём легкомыслии и сомневается, может ли такая женщина, как ты, умело править государством, – возмущался Роберт.

Елизавету это тоже взорвало:

– Да как он смеет, черт побери! Я прикажу заключить его в Тауэр!

– Если позволишь, я сам его туда препровожу. Этот герцог имел наглость угрожать мне. Дескать, если я не оставлю своих нынешних притязаний, то умру не в преклонном возрасте и не в постели.

Глаза Елизаветы сердито сверкали.

– Он тебе просто завидует. Обычно так мальчишки-пажи завидуют своим сверстникам-принцам. Уверена, он метил в мои ближайшие советники. Уже видел себя рядом со мной. А тут на его пути возник ты. Этот Томас Говард всегда был довольно среднего ума. Может, я бы и нашла ему какую-нибудь должность при дворе, но после этого злобного выплеска он на корню зарубил все свои скромные шансы.

Елизавета решила, что будет внимательно следить за своим католическим братцем. Один его неверный шаг – и она без колебаний прикажет заточить его в Тауэр.

– Бесс, это еще не все его речи. От епископа де Квадры он узнал о слухах про нашу готовящуюся свадьбу и заявил, что он, герцог Норфолкский, и другие лорды никогда не допустят моего восшествия на королевский трон. Более того, епископ ему сказал, что я будто бы ищу способ освободиться от своей жены, чтобы жениться на тебе.

– Какой способ? – внезапно похолодев, спросила Елизавета.

– Он не сказал, хотя было понятно, на что он намекает, черт бы его побрал. Но честное слово, Бесс, я не ищу никаких способов освободиться от уз брака с Эми. Зачем гневить Бога, когда Господь и так скоро сделает меня свободным? Я не омрачу последние дни Эми разговорами о разводе, даже если бы на то были основания.

– Я тоже так думаю, – довольно резко подтвердила Елизавета. – У себя при дворе я не потерплю досужих сплетен. Если ты где-то их услышишь, обязательно опровергай как обычную клевету. Но предостерегаю тебя, мои Глаза: не слишком усердно возражай, иначе люди поверят, что так оно и есть!

Когда осень позолотила леса и поля, на английскую землю прибыл брат принца Эрика Иоанн, герцог Финляндский. Он разве что не размахивал пером, которым намеревался подписать брачный договор. Церемония встречи происходила в Колчестере. Елизавета нарочно отправила туда Роберта, надеясь, что герцог, увидев фаворита королевы, сообразит, что его брату не на что надеяться. Однако простоватый Иоанн принял любезные улыбки Роберта за чистую монету и посчитал, что путь к браку Елизаветы с Эриком открыт.

Герцог изо всех сил старался быть галантным. Двигался он, правда, достаточно плавно. На этом его галантности заканчивались. Не спасали ни модный плащ, ни кокетливая шляпа,

ни обилие подарков королеве. Иоанн напоминал провинциального аристократа. Он кланялся всякий раз, когда Елизавета заговаривала с ним, награждал ее комплиментами на убогой латыни, называл дорогой сестрой, говорил, какая она красивая и очаровательная и как он восхищен замечательной Англией. Поначалу Елизавету забавляло его экстравагантное внимание, но вскоре она заметила, что барон Брейнер чуть не плачет, видя милости, оказываемые герцогу Финляндскому. Для барона появление Иоанна оказалось громом среди ясного неба. Мужчины с первых минут невзлюбили друг друга, и Елизавета начала всерьез опасаться, как бы они не устроили потасовку. Ей пришлось охладеть к любезностям Иоанна и вновь начать оказывать знаки внимания Брейнеру. Затем ее отношение к обоим стало одинаково теплым. Каждому она позволяла надеяться на успех, но не более того. Слов предпочтения не слышал от нее никто. А Елизавета наслаждалась затейной игрой, с каждым днем становясь все более искусной.

– Ваше величество, – жаловался Сесил, – у меня голова идет кругом от вашей неопределенности. Думаю, что и у посланников претендентов – тоже. Я бы настойчиво рекомендовал вам выбрать кого-то одного, а остальных с достоинством отправить восвояси.

– Дух мой, как ты не понимаешь простой вещи? Пока они живут надеждой, они остаются моими друзьями! – тоном мудреца ответила ему Елизавета.

Пусть же это время продлится подольше, хотя и она сама начинала уставать от своей игры.

А тем временем добиваться руки Елизаветы вознамерился еще и датский король. Его посланник прибыл во дворец в ярко-красном камзоле, на котором было вышито пронзенное стрелой сердце. Зрелище оказалось впечатляющим и немало позабавило придворных.

Как-то епископ де Квадра увидел королеву беседовавшей с герцогом Иоанном. Разговор происходил на галерее арены, где устраивались рыцарские турниры.

– Вижу, число претендентов на руку вашего величества продолжает расти, – учтиво улыбаясь, произнес епископ.

– Да. Многие надеются, – ответила Елизавета, которой не хотелось пикироваться с испанцем.

Внизу начинались состязания, в которых участвовал Роберт. Ей было не оторвать от него глаз. Едва подали сигнал, королева забыла обо всем, кроме своего возлюбленного.

– Возможно, вы склоняетесь к мысли заключить брачный союз с кем-то из ваших соотечественников, – осторожно намекнул де Квадра.

– Я рассматриваю разные варианты, – не поворачиваясь к епископу, сказала Елизавета.

В этот момент Роберт сбросил с лошади другого ее родственника, лорда Хансдона. Елизавета шумно захлопала в ладоши.

– Браво! – закричала она. – Браво, мои Глаза!

В галерее, неподалеку от них, находился и барон Брейнер. Он ревниво следил за королевой и ее окружением. Затем, стараясь не уронить собственного достоинства, приблизился и испросил позволения поговорить.

– Ваше величество, я не вижу для себя смысла дальше оставаться в Англии, – сказал Брейнер. Выражение его лица показывало, что он догадывается об истинном смысле игры, которую вела Елизавета. – У вас нет намерений выходить за эрцгерцога. Ваше сердце отдано другому.

– Позвольте мне самой судить о том, кому отдано мое сердце, – холодно ответила Елизавета.

Ее хорошее настроение улетучилось. Если Брейнер покинет Англию, вина за это ляжет на Роберта. Посланники отнюдь не глупые люди. Они понимают: вся ее неопределенность по поводу женихов имеет единственную причину, которая зовется Робертом Дадли. Сесил неоднократно предупреждал ее, что из-за чрезмерной симпатии к Роберту она может потерять свои преимущества. И не только он.

Ночью Роберт пришел к ней в спальню рассерженным, но отнюдь не на Брейнера.

– Этот Норфолк зашел слишком далеко! Он заявил мне... да, прямо в лицо... что приложит все усилия, чтобы ты вышла за эрцгерцога. Я ему ответил, что настоящему англичанину не пристало советовать королеве выходить замуж за иностранца. И уж тем более это странно слышать от родственника королевы.

– Что ж, Томас может счесть меня предательницей интересов английской короны. Я много думала об этом браке, – криво усмехнулась Елизавета. – Но думала, и не более того. А сейчас я вообще больше не хочу думать ни о докучливых иноземных принцах, ни об их докучливых посланниках... Роберт, да плюнь ты на этого Томаса Говарда! Дураком он был, дураком и остался. Предоставь мне самой с ним разобраться. У нас с тобой есть более приятные занятия.

Елизавета улыбнулась и протянула ему руку.

Брейнер по-прежнему находился при английском дворе. Более того, он даже улыбался. Епископ де Квадра тоже пребывал в хорошем настроении. Он попросил королеву об аудиенции и едва мог дожидаться, чтобы сообщить ей приятную новость.

– Ваше величество, эрцгерцог Карл скоро отправится в Англию.

С таким же успехом он мог бы сообщить Елизавете о втором пришествии Христа.

– Все ваши условия соблюдены, и вскоре вы сможете воочию увидеть эрцгерцога.

Недовольство Елизаветы на сей раз было вполне настоящим.

– Насколько понимаю, барон покидает Англию и далее не будет участвовать в переговорах.

– Ваше величество, позвольте мне извиниться за барона. У него сложилось неверное впечатление, будто ваше сердце отдано другому.

Елизавета вертела кольца на своих изящных пальцах и чувствовала, что попала в засаду.

– Епископ, мое сердце не отдано никому. В данный момент я вообще не думаю о браке. Конечно, встреча с эрцгерцогом могла бы изменить мою точку зрения.

Приезд эрцгерцога вряд ли уместно было сравнивать со вторым пришествием. И потом, еще неизвестно, как епископ отнесется к подобной аналогии. Уж лучше промолчать.

Однако Елизавете было приятно видеть, что она взъерошила де Квадре перышки. Пусть не забывается.

– Ваше величество, получается, вы пригласили эрцгерцога только на... смотрины, – не выдержал епископ.

– Нет! – тут же возразила Елизавета. – Я всего лишь выразила желание увидеть его вживую и узнать, что он за человек. Еще я говорила, что никогда бы не вышла замуж за того, кого ни разу не видела. Если кому-то угодно понимать мои слова по-своему, это их право.

– Ваше величество, – зачастил де Квадра, – я слышал от одной из ваших фрейлин, занимающей достаточно высокое положение в вашем окружении, о странной традиции, касающейся брака. Английским женщинам из числа знати, оказывается, свойственно отклонять брачные предложения до тех пор, пока их чуть ли не силой заставят согласиться.

Елизавета едва сдерживалась, чтобы не захихикать. Казалось, еще немного, и у епископа из ушей повалит пар. Чувствовалось, он понятия не имеет, как можно убедить королеву вступить в брак!

– Мое окружение много чего говорит. Естественно, из лучших побуждений. Но исключительно по собственной инициативе. Я никого об этом не просила.

Епископ де Квадра был ошарашен. Елизавета вовсю наслаждалась удавшейся интригой.

– Похоже, я оказался в дураках, – пробормотал де Квадра. – Я совершенно не понимаю вашего величества.

– Любезный епископ, я сама себя далеко не всегда понимаю! – лучезарно улыбаясь, ответила Елизавета.

Осень сменилась зимой. Как-то темным зимним вечером Елизавета сидела в своей личной приемной и сосредоточенно переводила отрывок из Тацита. Ее занятия нарушил неожиданный приход Сесила. Лицо государственного секретаря было предельно серьезным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.